

**Управление систематизации законодательства и анализа
судебной практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обзор практики *Комитета ООН по правам
инвалидов*, связанной с рассмотрением
индивидуальных сообщений**

2023 г.

Содержание:**Общие правовые позиции Комитета по правам инвалидов 12**

- по вопросу о понятии «инвалид» («лицо с ограниченными возможностями»)..... 12
- по вопросу о понимании «дискриминации по признаку инвалидности»..... 13
- по вопросу об обеспечении лиц с ограниченными возможностями разумными приспособлениями 14
- по вопросу о реализации положений Конвенции о правах инвалидов к отношениям, возникающим между частными лицами 15

Равенство и недискриминация (статья 5 Конвенции)..... 16

- специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения равенства и недискриминации лиц с ограниченными возможностями 16

Обеспечение доступности (статья 9 Конвенции) 18

- специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения доступности 18

в сфере защиты права собственности (установление сервитута)..... 20

Дело «Симон Бахер против Австрии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 16 февраля 2018 года. Сообщение № 26/2014. Автор сообщения родился с синдромом Дауна. Он страдал расстройством аутистического спектра, в связи с чем ему периодически необходима была инвалидная коляска. Для прохода по дорожке, которая оставалась единственным путем подхода к дому, родители заявителя соорудили деревянные ступеньки и отсыпали их гравием. Во время дождя, снегопада или града подход становился особенно опасным для автора сообщения и для оказывающих ему помощь лиц. Когда он вырос, то родителям стало тяжело носить его на руках, и они решили возвести над дорожкой навес для защиты от непогоды. Г-н Р. подал против родителей автора сообщения иск в окружной суд, указав – из-за навеса ширина дорожки и подход стали ограниченными по высоте, что нарушило его право прохода. 17 июля 2002 года суд вынес решение в пользу г-на Р. и постановил снести навес. Комитет по правам инвалидов отметил, что демонтаж навеса над дорожкой, ведущей к дому семьи Б., не только ограничивал доступ заявителя к своему дому, но и ограничивал его доступ к социальной деятельности и государственным услугам, в которых он нуждается в своей повседневной жизни, в частности, услугам в области образования и медицины и государственным услугам в целом. Суды государства – участника Конвенции о правах инвалидов не провели тщательного анализа особых потребностей автора сообщения, несмотря на то, что они четко были указаны его родителями. С точки зрения Комитета, на семью заявителя была возложена задача поиска путей обеспечения его доступа к себе домой и к внешним государственным услугам, в которых он нуждался в своей повседневной жизни. Комитет счел, что решение судов государства – участника Конвенции о правах инвалидов представляли собой отказ в правосудии для заявителя в нарушение статьи 9, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 3 Конвенции..... 20

в сфере предоставления финансовых услуг..... 23

Дело «Сильвия Ниушт и Петер Такач против Венгрии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 16 апреля 2013 года. Сообщение № 1/2010. Установлено, что ни

одна из предпринятых государством мер не обеспечила для страдающих расстройством зрения лиц доступности к банковским услугам по картам, которые обеспечиваются банкоматами. Допущено нарушение Конвенции о правах инвалидов. 23

См. также нижеприведенные дела: «Артуро Медина Вела против Мексики». Соображения Комитета от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015; «Фиона Гивен против Австралии». Соображения Комитета от 16 февраля 2018 года. Сообщение № 19/2014. 24

Равенство перед законом (статья 12 Конвенции) 24

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения равенства перед законом..... 24

реализация лицом с ограниченными возможностями своей дееспособности в сфере финансовых отношений..... 26

Дело «Магдолена Рекаси против Венгрии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 6 сентября 2021 года. Сообщение № 44/2017. Решение органа опеки разрешить опекуну автора сообщения заключить договор страхования жизни от имени автора, не предприняв значительных усилий для определения ее воли или предпочтений, или «наилучшего толкования» ее воли и предпочтений, по мнению Комитета по правам инвалидов, представляло собой нарушение ее прав, предусмотренных в статье 12 Конвенции о правах инвалидов. 26

реализация лицом с ограниченными возможностями своей дееспособности в сфере избирательных правоотношений 27

См. нижеприведенное дело «Жольт Булдошё, Яношне Ильдико Маркуш, Виктория Мартон, Шандор Месарош, Гергели Полк и Янош Сабо против Венгрии». Соображения Комитета от 9 сентября 2013 года. Сообщение № 4/2011. 27

реализация лицом с ограниченными возможностями своей дееспособности в сфере защиты права на свободу и личную неприкосновенность 28

См. нижеприведенное дело «Кристофер Лео против Австралии». Соображения Комитета от 12 марта 2020 года. Сообщение № 17/2013. 28

реализация потерпевшим, будучи лицом с ограниченными возможностями, своей дееспособности в сфере уголовного судопроизводства 29

Дело «Борис Макаров против Литвы». Соображения Комитета по правам инвалидов от 18 августа 2017 года. Сообщение № 30/2015. Государство-участник не обеспечило какой-либо формы «разумного приспособления» для г-жи М., являвшейся лицом с ограниченными возможностями, чтобы та, будучи потерпевшей по уголовному делу, могла принять участие в судебных слушаниях и в последующей процедуре обжалования в связи с ее делом. Комитет счел, что государство-участник нарушило ее права по Конвенции о правах инвалидов. 29

См. также нижеприведенное дело «Артуро Медина Вела против Мексики». Соображения Комитета от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015..... 30

Доступ лица с ограниченными возможностями к правосудию (статья 13 Конвенции) .. 30

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения доступа к правосудию 30

Дело «Артуро Медина Вела против Мексики». Соображения Комитета по правам инвалидов от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015. Автор заявил, что, поскольку он не был судим наравне с другими по причине признания его неподсудным и применения к нему специальной процедуры для неподсудных лиц, то он стал жертвой дискриминации ввиду инвалидности. Он утверждал – его исключили из процесса уголовного разбирательства и не предоставили ему возможности быть судимым компетентным и беспристрастным судом, что он был лишен возможности присутствовать в суде, представить доказательства в свою защиту, назначить адвокатов по своему выбору и не имел доступа к обычным средствам правовой защиты, предусмотренным уголовным законодательством, в частности, не имел возможности обжаловать решение суда. Автор сообщения также обратил внимание на то, что примененные в отношении него «меры безопасности» имели дискриминационный характер. Речь шла не только об уголовном наказании, но и о психиатрическом лечении, которому он был подвергнут против воли, так как судебные органы сочли, что он представляет «опасность» для общества. В силу инвалидности он был лишен возможности досрочного освобождения, несмотря на то, что удовлетворял всем необходимым юридическим требованиям. Он также отметил: государство-участник не выполнило свое обязательство по обеспечению запрошенного им необходимого разумного приспособления, равно как и свои обязательства по изменению и отмене положений законодательства, чреватых дискриминацией в отношении инвалидов, в нарушение статьи 5, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 4 Конвенции о правах инвалидов. Допущено нарушение отдельных положений Конвенции..... 32

См. также нижеприведенные дела: «Кристофер Лео против Австралии». Соображения Комитета от 12 марта 2020 года; «Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии». Соображения Комитета от 20 сентября 2018 года. Сообщение № 38/2016; «Артуро Медина Вела против Мексики». Соображения Комитета от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015, а также вышеприведенное дело «Борис Макаров против Литвы». Соображения Комитета от 18 августа 2017 года. Сообщение № 30/2015..... 36

Защита права лица с ограниченными возможностями на свободу и личную неприкосновенность (статья 14 Конвенции)..... 36

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права лица на свободу и личную неприкосновенность..... 36

Дело «Кристофер Лео против Австралии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 12 марта 2020 года. Сообщение № 17/2013. Комитет принял к сведению заявление автора в соответствии со статьей 5 Конвенции о правах инвалидов о том, что часть II.A Уголовного кодекса Северной территории Австралии носит дискриминационный характер, поскольку она применяется лишь к лицам, страдающим когнитивными расстройствами, и что она предусматривает бессрочный арест таких лиц даже без установления их вины в совершении уголовных правонарушений, тогда как лица, не страдающие когнитивными расстройствами, защищены от подобного обращения за счет применения норм надлежащей правовой процедуры и справедливого судебного разбирательства. По мнению Комитета по правам инвалидов, бессрочный характер содержания автора сообщения под стражей, содержание в исправительном центре без осуждения за уголовное правонарушение, периодическая изоляция, принудительное лечение и содержание под стражей вместе с осужденными заключенными равнозначны нарушению Конвенции..... 38

Запрет пыток, иного недопустимого обращения (статья 15 Конвенции).....41

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения запрета пыток, иного недопустимого обращения 41

Дело «Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии». Соображения Комитета от 20 сентября 2018 года. Сообщение № 38/2016. Несмотря на явные признаки того, что автор подвергался пыткам, и на наличие соответствующих жалоб от его родственников и представителей, государство-участник не представило информации, доказывающей, что его органы провели эффективное расследование этих конкретных утверждений. Обращение, которому автор сообщения подвергся во время содержания под стражей, представляло собой нарушение его права на гуманное обращение с уважением достоинства, присущего человеческой личности. Государство-участник не приняло никаких мер по обеспечению необходимых процессуальных корректив для эффективного участия заявителя в судебном процессе с учетом нарушения его слуха. Комитет по правам инвалидов пришел к выводу о несоблюдении государством положений Конвенции о правах инвалидов. 42

См. также вышеприведенные дела: «Артуго Медина Вела против Мексики». Соображения Комитета от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015; «Кристофер Лео против Австралии». Соображения Комитета от 12 марта 2020 года. Сообщение № 17/2013 и нижеприведенное дело «Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании». Соображения Комитета от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017. 44

Вопросы административного выдворения лица с ограниченными возможностями в аспекте запрета пыток, иного недопустимого обращения (статья 15 Конвенции).....45

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения недопустимости выдворения лица с ограниченными возможностями в государство, где имеется реальный риск применения в отношении такого лица пыток, иного недопустимого обращения 45

Дело «З.Х. против Швеции». Соображения Комитета по правам инвалидов от 6 сентября 2021 года. Сообщение № 58/2019. Комитет по правам инвалидов констатировал – остаются серьезные сомнения в том, действительно ли автор будет иметь доступ к адекватной медицинской помощи, чтобы предотвратить в Афганистане нарушение его прав по статье 15 Конвенции о правах инвалидов. Поскольку оценка национальных властей относительно существования реального риска причинения непоправимого вреда автору в стране его происхождения была произвольной, то Комитет констатировал: высылка автора в Афганистан в случае ее осуществления будет означать нарушение статьи 15 Конвенции. 46

Запрет эксплуатации, насилия и надругательства в отношении лиц с ограниченными возможностями, в том числе в аспекте недопустимости размещать этих лиц в ненадлежащих условиях в местах принудительного содержания (статья 16 Конвенции) 50

См. вышеприведенное дело «Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии». Соображения Комитета от 20 сентября 2018 года. Сообщение № 38/2016, а также нижеприведенное дело «Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании». Соображения Комитета от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017. 50

Защита личной целостности (статья 17 Конвенции)51

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения личной целостности 51

См. нижеприведенное дело «Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании». Соображения Комитета по правам инвалидов от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017. 51

Защита права лица с ограниченными возможностями на свободу передвижения. Вопросы гражданства (статья 18 Конвенции)51

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права на свободу передвижения 51

Дело «Грейн Шерлок против Австралии». Соображения Комитета от 19 марта 2021 года. Сообщение № 20/2014. Решение национальных органов власти о том, что автор не удовлетворяет требованию для получения визы ввиду имеющегося у нее диагноза рассеянного склероза, которое было принято без учета каких-либо других обстоятельств ее личного и профессионального положения, представляло собой факт косвенной дискриминации по признаку инвалидности. Допущено нарушение Конвенции о правах инвалидов. 52

Защита права лица с ограниченными возможностями на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество наравне с другими лицами (статья 19 Конвенции)..... 54

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество наравне с другими лицами..... 54

Дело «С.К. против Финляндии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 года. Сообщение № 46/2018. Тот факт, что национальные власти отклонили ходатайство автора о персональной помощи на основании критериев, являвшихся косвенно дискриминационными для лиц с интеллектуальной инвалидностью, повлек за собой умаление или отрицание реализации или осуществления автором права на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество наравне с другими в нарушение его прав, предусмотренных статьей 19 Конвенции о правах инвалидов..... 55

См. также нижеприведенное дело «Х.М. против Швеции». Соображения Комитета по правам инвалидов от 19 апреля 2012 года. Сообщение № 3/2011..... 58

Защита права лица с ограниченными возможностями на свободу выражения мнения и убеждений и доступ к информации (статья 21 Конвенции) 58

См. нижеприведенное дело «М. Кёк против Австрии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 года. Сообщение № 50/2018. 58

Защита права лица с ограниченными возможностями на уважение семейной жизни (статья 23 Конвенции)..... 58

См. нижеприведенное дело «Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании». Соображения Комитета по правам инвалидов от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017. 59

Защита права лица с ограниченными возможностями на инклюзивное образование (статья 24 Конвенции)..... 59

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права на инклюзивное образование..... 60

Дело «М. Кёк против Австрии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 года. Сообщение № 50/2018. Комитет по правам инвалидов установил: автору сообщения, являвшейся глухой и владевшей австрийским жестовым языком, в ходе обучения в учебном заведении постоянно оказывали помощь два преподавателя, владевшие австрийским жестовым языком, и переводчики жестового языка, в том числе во время устных экзаменов, что ее учебная программа была адаптирована и она получала поддержку в обучении и коррекционное обучение, включая наглядные учебные материалы. Эти меры были согласованы с автором сообщения, ее родителями и соответствующими учреждениями и учитывали индивидуальные потребности автора. Комитет сделал вывод: государство-участник выполнило свои обязательства в отношении принятия конкретных мер посредством предоставления разумного приспособления для достижения фактического равенства автора с тем, чтобы она могла пользоваться всеми правами человека и основными свободами. Права автора, предусмотренные Конвенцией о правах инвалидов, нарушены не были. 63

Дело «Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании». Соображения Комитета по правам инвалидов от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017. Комитет по правам инвалидов отметил – в имеющихся материалах отсутствовала информация о том, что были обеспечены все возможные меры разумного приспособления, которые позволили бы автору сообщения учиться в обычном образовательном учреждении. Так, Комитет счел: административное решение о зачислении Р. в коррекционное образовательное учреждение, принятое без учета мнения его родителей, без проведения действительного, а не формального анализа возможности принятия мер разумного приспособления, которые и далее могли бы обеспечить его инклюзивное обучение в обычной системе образования, без учета заключения клинического психолога и информации технико-образовательного ассистента, а также без учета утверждений авторов о дискриминации и надругательствах, которым подвергся Р. в посещаемом им обычном образовательном учреждении, представляло собой нарушение его прав. Органы государства-участника не провели эффективного и тщательного расследования насилия со стороны преподавателей в отношении автора сообщения. Допущено нарушение положений Конвенции о правах инвалидов. 64

Защита права лица с ограниченными возможностями на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 25 Конвенции)..... 68

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права на наивысший достижимый уровень здоровья..... 68

Дело «Х.М. против Швеции». Соображения Комитета по правам инвалидов от 19 апреля 2012 года. Сообщение № 3/2011. С точки зрения Комитета по правам инвалидов, отклоняя ходатайство автора о разрешении на строительство бассейна на принадлежащем автору сообщении земельном участке, мотивируя это необходимостью реализации городского плана развития, государство-участник не рассмотрело особые обстоятельства ее положения и ее особые, связанные с инвалидностью потребности. Поэтому Комитет счел, что решения местных органов отказать в строительстве гидротерапевтического бассейна были несоразмерными и оказали дискриминационное воздействие, которое негативно сказалось на доступе автора сообщения (как инвалида) к медицинскому уходу и реабилитации, необходимым с учетом ее конкретного состояния здоровья. Допущены нарушения Конвенции о правах инвалидов..... 69

См. также вышеприведенное дело «Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 20 сентября 2018 года. Сообщение № 38/2016. 70

Вопросы абилитации и реабилитации (статья 26 Конвенции)..... 71

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения абилитации и реабилитации 71

См. вышеприведенное дело «Х.М. против Швеции». Соображения Комитета по правам инвалидов от 19 апреля 2012 года. Сообщение № 3/2011..... 71

Защита прав лиц с ограниченными возможностями в сфере трудовых правоотношений (статья 27 Конвенции)..... 72

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам защиты прав в сфере трудовых правоотношений..... 73

Дело «Ричард Сахлин против Швеции». Соображения Комитета по правам инвалидов от 21 августа 2020 года. Сообщение № 60/2019. Решения и действия органов государства-участника уменьшили возможность отбора лиц с ограниченными возможностями на должности, требующие приспособления рабочей среды к их потребностям (требовалось наличие сурдопереводчика). В частности, Комитет счел, что проведенная Судом по трудовым спорам Королевства Швеция оценка запрошенных мер по содействию и адаптации способствовала отказу в обеспечении разумного приспособления, что фактически привело к дискриминационному отстранению автора от трудоустройства на должность лектора, на которую он претендовал, в нарушение Конвенции о правах инвалидов. Допущены нарушения Конвенции. 74

Дело «Х.М. против Испании». Соображения Комитета по правам инвалидов от 21 августа 2020 года. Сообщение № 37/2016. Принудительный выход автора в отставку из-за травм, которые привели к постоянной инвалидности и полученных автором сообщения вследствие дорожно-транспортного происшествия, по мнению Комитета по правам инвалидов, представлял собой нарушение Конвенции о правах инвалидов. 76

Дело «Мария-Луиза Юнгелин против Швеции». Соображения Комитета по правам инвалидов от 2 октября 2014 года. Сообщение № 5/2011. По мнению Комитета по правам инвалидов, Суд по трудовым спорам Королевства Швеция тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Агентством социального страхования,

прежде чем прийти к выводу о том, что меры поддержки и адаптации, рекомендованные омбудсменом, будут представлять собой неоправданное бремя для Агентства социального страхования. Комитет счел, что автор сообщения не представила каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. Не было допущено нарушения Конвенции. 80

Участие лица с ограниченными возможностями в политической и общественной жизни в аспекте реализации права лица избирать и быть избранным (статья 29 Конвенции) 82

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права лица избирать и быть избранным..... 82

Дело «Фиона Гивен против Австралии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 16 февраля 2018 года. Сообщение № 19/2014. Автор сообщения страдала церебральным параличом. Во время выборов автор хотела воспользоваться своим правом на участие в тайном голосовании наравне с другими избирателями. Вместе с тем в связи с ограниченными двигательными возможностями она не могла заполнить бюллетень, сложить его и поместить в избирательную урну без посторонней помощи, что нарушило бы тайну ее голосования. Автор утверждала: для того, чтобы иметь возможность участвовать в независимом тайном голосовании, ей должен был быть предоставлен доступ к электронной системе голосования, например, к специальному интерфейсу на компьютере. Комитет по правам инвалидов установил: ни один из вариантов, имевшихся в распоряжении автора сообщения во время федеральных выборов 2013 года, не позволил ей осуществить свое право голоса так, как она хотела бы, в частности без необходимости сообщить о своем политическом выборе лицу, сопровождавшему ее. С точки зрения Комитета, государство-участник не выполнило свои обязательства по Конвенции о правах инвалидов. 84

Дело «Жольт Булдошё, Яношне Ильдико Маркуш, Виктория Мартон, Шандор Месарош, Гергели Полк и Янош Сабо против Венгрии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 9 сентября 2013 года. Сообщение № 4/2011. Лишая авторов права голосовать на основе предполагаемой или фактической умственной отсталости, государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 29 Конвенции о правах инвалидов, взятые по отдельности или совместно со статьей 12 Конвенции..... 85

Защита права лица с ограниченными возможностями на участие в культурной жизни, на проведении досуга и отдыха и занятие спортом (статья 30 Конвенции).....87

См. вышеприведенное дело «М. Кёк против Австрии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 года. Сообщение № 50/2018. 87

Российская Федерация является участником Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года. Конвенция вступила в силу 3 мая 2008 года, а для Российской Федерации – 25 октября 2012 года.

По состоянию на 1 марта 2023 года 186 государств являлись участниками Конвенции¹.

Для контроля за соблюдением государствами-участниками положений Конвенции был создан Комитет ООН по правам инвалидов (далее также – Комитет по правам инвалидов, Комитет), наделенный в том числе компетенцией рассматривать периодические доклады государств о принятых ими мерах по осуществлению обязательств согласно Конвенции. В марте 2018 года Комитетом были приняты Заключительные замечания по первоначальному докладу Российской Федерации².

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах инвалидов, подписанному 13 декабря 2006 года, Комитет наделяется компетенцией принимать и рассматривать сообщения от лиц или групп лиц, которые заявляют, что являются жертвами нарушения государством – участником Протокола положений Конвенции. Указанный Протокол вступил в силу 3 мая 2008 года и по состоянию на 1 марта 2023 года 104 государства являлись его участниками³, в свою очередь, Российская Федерация участником данного Протокола не являлась.

На указанную выше дату Комитет рассмотрел на предмет приемлемости и существа 58 сообщений в отношении государств – участников Протокола⁴.

С учетом практики по рассмотрению периодических докладов государств – участников Конвенции, а также индивидуальных сообщений Комитет принимает замечания общего порядка, представляющие собой обобщения отдельных правовых позиций Комитета по вопросам, которые являются значимыми в аспекте надлежащего исполнения государствами положений Конвенции по правам инвалидов. По данным на 1 марта 2023 года, Комитет вынес следующие замечания общего порядка⁵: Замечание общего порядка № 1 (2014) «Статья 12: Равенство перед законом»; Замечание общего порядка № 2 (2014) «Статья 9: Доступность»; Замечание общего порядка № 3 (2016) «О женщинах-инвалидах и девочках-инвалидах»; Замечание общего порядка № 4 (2016) «О праве на инклюзивное образование»; Замечание общего порядка

¹ Режим доступа: URL:

https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-15&chapter=4&clang=_en.

² Режим доступа: URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/concluding-observations/committee-rights-persons-disabilities-concluding-observations-3>.

³ Режим доступа: URL:

https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-15-a&chapter=4&clang=_en.

⁴ Режим доступа: URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en.

⁵ Режим доступа: URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/crpd/general-comments>.

№ 5 (2017) «О самостоятельном образе жизни и вовлеченности в местное сообщество»; Замечание общего порядка № 6 (2018) «По вопросу равенства и недискриминации».

Практика Комитета свидетельствует, что при рассмотрении индивидуальных сообщений для аргументации своей позиции Комитет ссылается как на принятые им замечания общего порядка, так и на свои ранее вынесенные соображения и/или решения о неприемлемости сообщений.

Для сведения сообщается, что в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлены:

– *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица не подвергаться дискриминации;*⁶

– *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав лиц с ограниченными возможностями*⁷, в рамках которых нашли отражение отдельные вопросы, ставшие в свое время предметом внимания Комитета при рассмотрении индивидуальных сообщений.

В данном Обзоре внимание акцентируется на делах Комитета, которые могли бы представлять интерес для судов Российской Федерации в аспекте надлежащей реализации положений Конвенции о правах инвалидов и законодательства Российской Федерации, регулирующего вопросы защиты прав и свобод *лиц с ограниченными возможностями*⁸.

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и

⁶ Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27156/.

⁷ Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27222/.

⁸ Нельзя не отметить, что в пункте 7 Заключительных замечаний по первоначальному докладу Российской Федерации Комитет ООН по правам инвалидов обратил внимание на то, что официальный перевод термина «*persons with disabilities*» на русский язык словом «*инвалиды*» не отражает правозащитную модель. Ввиду этого Комитет рекомендовал внести изменения в официальный перевод Конвенции и использовать термины, в полной мере отражающие правозащитную модель (CRPD/C/RUS/CO/1). Режим доступа: URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/concluding-observations/committee-rights-persons-disabilities-concluding-observations-3>.

международных договоров Российской Федерации» толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно подпункту «b» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека⁹.

Общие правовые позиции Комитета по правам инвалидов¹⁰

В соответствии со статьей 4 Конвенции на государствах-участниках лежит общее обязательство принимать все необходимые меры для обеспечения и поощрения полного осуществления всех прав человека и основных свобод инвалидов (пункт 10.9 Соображений от 6 сентября 2019 года по делу *«Артуро Медина Вела против Мексики»*. Сообщение № 32/2015).

Комитет напоминает, что «в целях осуществления подпункта «b» пункта 1 статьи 4 Конвенции о правах инвалидов государства-участники должны принимать все надлежащие меры, в том числе законодательные, для изменения или отмены существующих законов, постановлений, обычаев и устоев, которые являются по отношению к инвалидам дискриминационными и нарушающими статью 24 Конвенции. Там, где это необходимо дискриминационные законы, постановления, обычаи и устои должны отменяться или изменяться на систематической основе и в установленные сроки» (пункт 8.7 Соображений от 28 августа 2020 года по делу *«Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании»*. Сообщение № 41/2017).

по вопросу о понятии «инвалид» («лицо с ограниченными возможностями»)

Комитет напоминает: согласно статье 1 Конвенции к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими. Комитет считает, что разница между заболеванием и инвалидностью является разницей в

⁹ В рамках данного обзора понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Комитет ООН по правам инвалидов.

¹⁰ Здесь и далее перечень приводимых правовых позиций Комитета по правам инвалидов не носит исчерпывающего характера.

степени, а не разницей по сути. Нарушение здоровья, изначально воспринимаемое как болезнь, может перерасти в нарушение здоровья в контексте инвалидности вследствие ее продолжительности или хронического характера. В соответствии с правозащитной моделью инвалидности необходимо учитывать многообразие инвалидов и взаимодействие, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами (пункт 8.6 Соображений от 19 марта 2021 года по делу «Грейн *Шерлок против Австралии*». Сообщение № 20/2014).

по вопросу о понимании «дискриминации по признаку инвалидности»

Согласно статье 2 Конвенции дискриминация по признаку инвалидности означает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области. Она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении. Комитет также напоминает, что закон, применяемый нейтральным образом, может оказывать дискриминационное воздействие, если не учитываются особые обстоятельства отдельных лиц, в отношении которых он реализуется. Право не подвергаться дискриминации при пользовании правами, гарантируемыми Конвенцией, может быть нарушено, если государство без объективных и разумных на то оснований не относится дифференцированно к лицам, положение которых значительно отличается. Комитет указывает: в случаях косвенной дискриминации законы, политика или практика, которые на первый взгляд кажутся нейтральными, оказывают непропорционально негативное влияние на инвалидов. Косвенная дискриминация имеет место, когда возможность, которая кажется доступной, на практике оказывается недоступной для некоторых лиц в силу того, что их статус не позволяет им воспользоваться такой возможностью. Комитет отмечает – обращение является косвенно дискриминационным, если негативные последствия каких-либо постановлений или решений затрагивают исключительно либо несоразмерно лиц, относящихся к конкретным расе, цвету кожи, полу, языку, религии, политическим и иным убеждениям, национальному или социальному происхождению, имущественному положению, месту рождения и иному признаку. В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 5 Конвенции государства-участники обязаны признать: все лица равны перед законом и имеют право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации; запретить любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантировать инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на абсолютно любой почве (пункт 8.5 Соображений от 19 марта 2021 года по делу «Грейн *Шерлок против Австралии*». Сообщение № 20/2014).

Хотя не любое различие в обращении представляет собой дискриминацию при условии, что критерии такого различия являются разумными и объективными, а задача состоит в том, чтобы достичь цель, которая допускается по Конвенции, «неспособность покончить с дифференцированным обращением на основе недостаточности имеющихся ресурсов не является объективным и разумным оправданием, если не предпринимаются все усилия для использования всех имеющихся у государства-участника ресурсов в попытке заняться проблемой дискриминации и ликвидировать дискриминацию в первоочередном порядке» (пункт 8.6 Соображений от 19 марта 2021 года по делу *«Грейн Шерлок против Австралии»*. Сообщение № 20/2014).

В определении «дискриминация по признаку инвалидности», содержащемся в третьем абзаце статьи 2 Конвенции, ясно говорится о том, что «она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении». Кроме того, в четвертом абзаце статьи 2 отмечается: «разумное приспособление» означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и корректив, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод» (пункт 8.4 Соображений от 19 апреля 2012 года по делу *«Х.М. против Швеции»*. Сообщение № 3/2011).

по вопросу об обеспечении лиц с ограниченными возможностями разумными приспособлениями

В соответствии со статьей 2 Конвенции может быть обеспечено внесение, когда это нужно в каждом конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод, включая право на доступность (пункт 9.5 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу *«Симон Бахер против Австрии»*. Сообщение № 26/2014).

При оценке разумности и соразмерности мер по обеспечению приспособления государства-участники пользуются определенной свободой толкования. Он отмечает, что, как правило, именно суды государств – участников Конвенции правомочны оценивать факты и свидетельства, относящиеся к конкретному делу, за исключением случаев, когда можно установить, что оценка была явно произвольной или представляла собой отказ в правосудии. В данном случае роль Комитета заключается в том, чтобы определить, позволили ли решения, принятые судами государства-участника, обеспечить соблюдение прав г-на Б. в соответствии со статьей 9, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 3 Конвенции (пункт 9.7 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу *«Симон Бахер против Австрии»*. Сообщение № 26/2014).

Согласно статье 5 Конвенции государства-участники признают, что все лица равны перед законом и имеют право на равную защиту закона и равное пользование им без какой-либо дискриминации. Государства-участники должны принимать все необходимые меры для обеспечения разумного приспособления в целях поощрения равенства и ликвидации дискриминации. Комитет также указал – дискриминация может быть результатом дискриминационных последствий той или иной нормы или меры, которая не имеет своей целью дискриминацию, однако несоразмерно сказывается на инвалидах (пункт 10.3 Соображений от 6 сентября 2019 года по делу *«Артуро Медина Вела против Мексики»*. Сообщение № 32/2015).

по вопросу о реализации положений Конвенции о правах инвалидов к отношениям, возникающим между частными лицами

Государства-участники обязаны не только соблюдать права, закрепленные в Конвенции, и, следовательно, воздерживаться от их нарушения, но и защищать эти права, принимая меры для предотвращения прямого или косвенного вмешательства физических лиц в их осуществление. Таким образом, хотя Конвенция устанавливает преимущественно права и обязательства в рамках взаимоотношений государства-участника и физических лиц, положения Конвенции также применимы к отношениям между физическими лицами. В этой связи Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Конвенции государства-участники обязуются обеспечивать и поощрять полную реализацию всех прав человека и основных свобод всеми инвалидами без какой бы то ни было дискриминации по признаку инвалидности. С этой целью государства-участники обязуются принимать все надлежащие меры для устранения дискриминации по признаку инвалидности со стороны любого лица, организации или частного предприятия. Вопрос имущественного права, касающийся осуществления договора между физическими лицами, и связанный с ним конфликт должны толковаться в рамках Конвенции. Таким образом, в процессе урегулирования судами государства-участника конфликта между сторонами они были обусловлены положениями Конвенции. Следовательно, довод государства-участника о том, что сообщение касалось конфликта между физическими лицами и поэтому не имело отношения к Конвенции, представляется необоснованным (пункт 9.3 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу *«Симон Бахер против Австрии»*. Сообщение № 26/2014).

Равенство и недискриминация (статья 5 Конвенции¹¹)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения равенства и недискриминации лиц с ограниченными возможностями¹²

Статья 5 Конвенции запрещает все формы дискриминации в отношении инвалидов, включая отказ в обеспечении разумного приспособления как запрещенную форму дискриминации, и что этот запрет не допускает постепенной реализации. Это означает, что все формы дискриминации одинаково противоречат Конвенции и что нельзя проводить различия между нарушениями права на равенство и недискриминацию с точки зрения их так называемой степени серьезности. Комитет также напоминает, что разумное приспособление является обязанностью *ex nunc*, которая возникает с момента, когда у инвалида появляется потребность в доступе к недоступной для него ситуации или среде или когда он желает воспользоваться своими правами. Это значит, что гарант прав должен вступить в диалог с инвалидом для того, чтобы включить его в процесс принятия возможных решений, которые позволят ему более эффективно осуществлять свои права и расширять свои возможности (пункт 8.5 Соображений от 21 августа 2020 года по делу «Ричард Сахлин против Швеции». Сообщение № 60/2019).

При оценке разумности и соразмерности мер приспособления государства-участники обладают определенной свободой усмотрения. Как правило, именно суды государств – участников Конвенции правомочны оценивать факты и свидетельства, относящиеся к конкретному делу, за исключением случаев, когда можно установить, что оценка была явно произвольной или представляла собой отказ в правосудии (пункт 8.6 Соображений от 21 августа 2020 года по делу «Ричард Сахлин против Швеции». Сообщение № 60/2019).

Поиск возможностей разумного приспособления должен представлять собой процесс сотрудничества и взаимодействия работника и работодателя,

¹¹ В силу статьи 5 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники признают, что все лица равны перед законом и по нему и имеют право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации.

2. Государства-участники запрещают любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантируют инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве.

3. Для поощрения равенства и устранения дискриминации государства-участники предпринимают все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления.

4. Конкретные меры, необходимые для ускорения или достижения фактического равенства инвалидов, не считаются дискриминацией по смыслу настоящей Конвенции».

¹² Как свидетельствует практика Комитета по правам инвалидов, при толковании и применении положений Конвенции о правах инвалидов Комитет, исходя из предмета сообщения, использует специальные правовые позиции совместно с соответствующими общими правовыми позициями.

направленный на то, чтобы найти наилучшее решение, отвечающее потребностям каждого из них. Решая вопрос о том, какие меры разумного приспособления следует принять, государство-участник должно обеспечить, чтобы государственные органы установили, какие эффективные коррективы можно внести, чтобы дать работнику возможность выполнять свои основные обязанности (пункт 8.9 Соображений от 21 августа 2020 года по делу *«Ричард Сахлин против Швеции»*. Сообщение № 60/2019).

В соответствии с пунктом 2 статьи 5 Конвенции государства-участники обязаны запрещать любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантировать инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве и что отказ в доступе к физическому окружению, транспорту, информации и связи, а также услугам, открытым для населения, должен прямо определяться как запрещенный акт дискриминации (пункт 8.6 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу *«Фиона Гивен против Австралии»*. Сообщение № 19/2014).

Комитет напоминает, что в статье 5 Конвенции о правах инвалидов закреплен принцип равной защиты всех лиц перед законом и по нему. Государства-участники должны запрещать любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантировать инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве. Данное обязательство подразумевает, что государства-участники должны обеспечивать реализацию прав, закрепленных в Конвенции, для всех инвалидов и воздерживаться от создания дискриминационного законодательства и практики, в результате которых могут возникнуть факторы дискриминации в зависимости от типа инвалидности (пункт 8.9 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу *«Фиона Гивен против Австралии»*. Сообщение № 19/2014).

Как разъясняется в пункте 16 принятого Комитетом Замечания общего порядка № 6 (2018) о равенстве и недискриминации, понятие «равное пользование законом», по мнению Комитета, означает, что государства-участники должны устранять барьеры для получения доступа ко всем предусмотренным законом гарантиям и преимуществам равного доступа к закону и правосудию для отстаивания прав (пункт 8.4 Соображений от 12 марта 2020 года по делу *«Кристофер Лео против Австралии»*. Сообщение № 17/2013).

Комитет напомнил, что в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 5 Конвенции о правах инвалидов государства-участники должны обеспечивать, чтобы все лица были равны перед законом и имели право на равную защиту закона и равное пользование им без какой-либо дискриминации, и для поощрения равенства и устранения дискриминации должны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления. Комитет также обратил внимание на то, что дискриминация может быть результатом дискриминационных последствий той или иной нормы или меры, которая не имеет своей целью дискриминацию, однако несоразмерно

сказывается на инвалидах (пункт 8.3 Соображений от 12 марта 2020 года по делу «*Кристофер Лео против Австралии*». Сообщение № 17/2013).

Обеспечение доступности (статья 9 Конвенции¹³)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения доступности¹⁴

Комитет напоминает о том, что обязательство по осуществлению доступности является безоговорочным. Обязанный обеспечивать доступность субъект не может оправдывать невыполнение этой задачи ссылками на бремя

¹³ В силу статьи 9 Конвенции о правах инвалидов «1. Чтобы наделить инвалидов возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни, государства-участники принимают надлежащие меры для обеспечения инвалидам доступа наравне с другими к физическому окружению, к транспорту, к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения, как в городских, так и в сельских районах. Эти меры, которые включают выявление и устранение препятствий и барьеров, мешающих доступности, должны распространяться, в частности:

а) на здания, дороги, транспорт и другие внутренние и внешние объекты, включая школы, жилые дома, медицинские учреждения и рабочие места;

б) на информационные, коммуникационные и другие службы, включая электронные службы и экстренные службы.

2. Государства-участники принимают также надлежащие меры к тому, чтобы:

а) разрабатывать минимальные стандарты и руководящие ориентиры, предусматривающие доступность объектов и услуг, открытых или предоставляемых для населения, вводить их в действие и следить за их соблюдением;

б) обеспечивать, чтобы частные предприятия, которые предлагают объекты и услуги, открытые или предоставляемые для населения, учитывали все аспекты доступности для инвалидов;

в) организовывать для всех вовлеченных сторон инструктаж по проблемам доступности, с которыми сталкиваются инвалиды;

г) оснащать здания и другие объекты, открытые для населения, знаками, выполненными азбукой Брайля и в легко читаемой и понятной форме;

д) предоставлять различные виды услуг помощников и посредников, в том числе проводников, чтецов и профессиональных сурдопереводчиков, для облегчения доступности зданий и других объектов, открытых для населения;

е) развивать другие надлежащие формы оказания инвалидам помощи и поддержки, обеспечивающие им доступ к информации;

ж) поощрять доступ инвалидов к новым информационно-коммуникационным технологиям и системам, включая Интернет;

з) поощрять проектирование, разработку, производство и распространение изначально доступных информационно-коммуникационных технологий и систем, так чтобы доступность этих технологий и систем достигалась при минимальных затратах».

¹⁴ Как свидетельствует практика Комитета по правам инвалидов, при толковании и применении положений Конвенции о правах инвалидов Комитет, исходя из предмета сообщения, использует специальные правовые позиции совместно с соответствующими общими правовыми позициями.

предоставления доступа инвалидам (пункт 8.8 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу «*Фиона Гивен против Австралии*». Сообщение № 19/2014).

Комитет напоминает: «доступность является предварительным условием для обеспечения инвалидам возможности вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать в жизни общества наравне с другими». В соответствии со статьей 9 Конвенции государства-участники принимают надлежащие меры для обеспечения инвалидам доступа наравне с другими к физическому окружению, к транспорту, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения как в городских, так и в сельских районах. Эти меры должны включать в себя выявление и устранение препятствий и барьеров, мешающих доступности (пункт 9.4 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу «*Симон Бахер против Австрии*». Сообщение № 26/2014).

Согласно пункту 1 статьи 4 Конвенции государства-участники обязуются «принимать все надлежащие меры для устранения дискриминации по признаку инвалидности со стороны любого лица, организации или частного предприятия». С этой целью государства-участники должны в соответствии со статьей 9 Конвенции принимать надлежащие меры для обеспечения инвалидам доступа наравне с другими к информации, связи, а также к другим услугам, включая электронные службы, посредством выявления и устранения препятствий и барьеров для обеспечения доступности. Государства-участники должны, в частности, принимать надлежащие меры для разработки и введения в действие минимальных стандартов и руководящих ориентиров и следить за их соблюдением для обеспечения доступности объектов и услуг открытых или предоставляемых населению (пункт 2 статьи 9 Конвенции) и обеспечивать, чтобы частные предприятия, которые предлагают объекты и услуги, открытые или предоставляемые для населения, учитывали все аспекты доступности для инвалидов (пункт статьи 9) (пункт 9.4 Соображений от 16 апреля 2013 года по делу «*Сильвия Ниушт и Петер Такач против Венгрии*». Сообщение № 1/2010).

Внимание уже более не заостряется на правосубъектности и государственном или частном характере владельцев зданий, транспортной инфраструктуры, транспортных средств, информации и связи и услуг. Инвалиды должны иметь равный доступ ко всем товарам, продуктам и услугам, открытым или предоставляемым для населения таким образом, чтобы обеспечить их эффективный и равный доступ и уважение их человеческого достоинства (пункт 9.6 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу «*Симон Бахер против Австрии*». Сообщение № 26/2014).

В соответствии с пунктами 1 и 2 «f» статьи 9 Конвенции государства-участники должны принимать надлежащие меры для обеспечения инвалидам доступа наравне с другими людьми к информации и необходимо развивать надлежащие формы оказания инвалидам помощи и поддержки, обеспечивающие им доступ к информации (пункт 10.5 Соображений от 6 сентября 2019 года по делу «*Артуро Медина Вела против Мексики*». Сообщение № 32/2015).

Согласно пункту 1 статьи 9 Конвенции государства-участники принимают надлежащие меры для обеспечения инвалидам доступа наравне с другими к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы. Кроме того, Комитет напоминает о том, что в соответствии с подпунктом «g» пункта 2 статьи 9 Конвенции государства-участники также должны принимать надлежащие меры для поощрения доступа инвалидов к новым информационно-коммуникационным технологиям и системам. Значимость информационно-коммуникационных технологий заключается в их способности создавать возможности для оказания самых разных услуг, видоизменять существующие услуги и повышать спрос на доступ к информации и знаниям, особенно применительно к недостаточно охваченным или социально отчужденным группам населения, таким как инвалиды. В этой связи новые технологии можно использовать для поощрения всестороннего и равного участия инвалидов в жизни общества, но лишь при том условии, что они разработаны и физически реализованы таким образом, чтобы обеспечить их доступность. Новые инвестиции, исследования и товары должны способствовать ликвидации неравенства, а не создавать новые барьеры (пункт 8.6 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу «*Фиона Гивен против Австралии*»). Сообщение № 19/2014).

Государство – участник Конвенции в любом случае несет ответственность за обеспечение того, чтобы предусмотренные Конвенцией права соблюдались, включая право инвалида на получение доступа к своему дому, а также доступа к общественной жизни и к государственным услугам, в том числе в области образования и здравоохранения. Таким образом, несмотря на то, что споры по поводу сооружения навеса над дорожкой возникли между двумя физическими лицами, государство-участник обязано, в частности, гарантировать, чтобы решения, принятые его органами, не ущемляли прав, закрепленных в Конвенции (пункт 9.2 Соображений от 16 февраля 2018 года по делу «*Симон Бахер против Австрии*»). Сообщение № 26/2014).

в сфере защиты права собственности (установление сервитута)¹⁵

Дело «*Симон Бахер против Австрии*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 16 февраля 2018 года. Сообщение № 26/2014¹⁶.

¹⁵ Для сведения: в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций Европейского Суда по правам человека по вопросу защиты права лица на беспрепятственное пользование принадлежащим ему имуществом*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28835/.

¹⁶ Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3(2019)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации.

Автор сообщения родился с синдромом Дауна. Он страдал расстройством аутистического спектра, в связи с чем ему периодически необходима была инвалидная коляска. Для прохода по дорожке, которая оставалась единственным путем подхода к дому, родители заявителя соорудили деревянные ступеньки и отсыпали их гравием. Во время дождя, снегопада или града подход становился особенно опасным для автора сообщения и для оказывающих ему помощь лиц. Когда он вырос, то родителям стало тяжело носить его на руках, и они решили возвести над дорожкой навес для защиты от непогоды. Г-н Р. подал против родителей автора сообщения иск в окружной суд, указав – из-за навеса ширина дорожки и подход стали ограниченными по высоте, что нарушило его право прохода. 17 июля 2002 года суд вынес решение в пользу г-на Р. и постановил снести навес. Комитет по правам инвалидов отметил, что демонтаж навеса над дорожкой, ведущей к дому семьи Б., не только ограничивал доступ заявителя к своему дому, но и ограничивал его доступ к социальной деятельности и государственным услугам, в которых он нуждается в своей повседневной жизни, в частности, услугам в области образования и медицины и государственным услугам в целом. Суды государства – участника Конвенции о правах инвалидов не провели тщательного анализа особых потребностей автора сообщения, несмотря на то, что они четко были указаны его родителями. С точки зрения Комитета, на семью заявителя была возложена задача поиска путей обеспечения его доступа к себе домой и к внешним государственным услугам, в которых он нуждался в своей повседневной жизни. Комитет счел, что решение судов государства – участника Конвенции о правах инвалидов представляли собой отказ в правосудии для заявителя в нарушение статьи 9, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 3 Конвенции.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: по утверждению государства-участника: а) сервитут¹⁷, о котором шла речь в рассматриваемом

Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28228/.

¹⁷ «Г-н Бахер родился с синдромом Дауна. Он страдает расстройством аутистического спектра, в связи с чем ему периодически необходима инвалидная коляска. Кроме того, он страдает хронической болезнью легких и иммунодефицитом, из-за чего нуждается в регулярной медицинской помощи, которая предоставляется ему в университетском госпитале в Инсбруке.

Симон Б. живет в городе В., в доме, купленном его семьей в 1983 году. Подход к этому дому и двум соседним домам возможен только по дорожке. Когда родители г-на Б. покупали этот дом, мэр В. сообщил им, что по закону он обязан обеспечить доступ аварийных служб к их дому и двум соседним домам на случай, например, пожара. Однако после ухода мэра со своей должности ничего не было сделано в отношении обеспечения новых возможностей доступа. Для прохода по дорожке с уклоном в 18 градусов, длиной 35 метров и шириной от 1,2 до 1,5 метров, которая остается единственным путем подхода к дому, родители г-на Б. соорудили деревянные ступеньки и отсыпали их гравием. Во время дождя, снегопада или града подход становился особенно опасным для г-на Б. и для оказывающих ему помощь лиц. Когда он вырос, родителям стало тяжело носить его на руках, они решили возвести над дорожкой навес для защиты от непогоды. Местные власти выдали разрешение на строительство навеса по согласованию с ближайшими соседями. Однако жильцы одного из соседних домов (г-н Р. и его дядя) не были приглашены на собрание для согласования выдачи разрешения, поскольку по закону необходимо согласие только тех соседей, которые проживают в радиусе 15 метров от места строительства. В соответствии с разрешением, выданным муниципалитетом города В., и при финансовой поддержке со стороны местных органов управления Тироля навес был сооружен в период с ноября по декабрь 2001 года.

деле, представлял собой «абсолютное» право, накладывающее обязательства на отца автора; b) в связи с этим государство-участник не несло общего позитивного обязательства по защите конкретных групп лиц в ключевых областях гражданских прав и обязанностей; c) ограничения могли вводиться только в случаях, если они предусмотрены законом, являются необходимыми, исходя из законных общественных интересов, и не чрезмерными; d) обязательства, вытекающие из пункта 1 статьи 9 Конвенции, не порождают обязанность гарантировать, чтобы интересы инвалида сами по себе оправдывали ущемление права собственности; и e) интересы сторон можно было бы примирить посредством выбора иной конструкции навеса. В этой связи Комитет отметил, что демонтаж навеса над дорожкой, ведущей к дому семьи Б., не только ограничивает доступ г-на Б. к своему дому, но и ограничивает его доступ к социальной деятельности и государственным услугам, в которых он нуждается в своей повседневной жизни, в частности, услугам в области образования и медицины и государственным услугам в целом. Он также учел довод автора о том, что г-н Р. не согласился ни с какими предложенными альтернативными вариантами навеса над дорожкой и что при оценке ситуации суды не сочли необходимым учитывать в этой связи ситуацию г-на Б. (пункт 9.8 Соображений).

В своем решении от 9 февраля 2012 года окружной суд занял ту же позицию, что была отражена в предыдущих решениях судов государства-участника при рассмотрении данного дела: он не провел тщательного анализа особых потребностей г-на Б., несмотря на то, что они четко были указаны его родителями – как в ходе всех предыдущих судебных заседаний, так и в извещениях об иске. Власти государства-участника, напротив, выражали мнение, что предмет судебного разбирательства «не имеет ничего общего с правами инвалидов» и касался урегулирования затрагиваемых в деле прав собственности. Многоаспектные последствия принятых властями государства-участника решений для прав доступа г-на Б. были, таким образом, проигнорированы, в результате чего на его семью была возложена задача поиска путей обеспечения его доступа к себе домой и к внешним государственным услугам, в которых он нуждался в своей повседневной жизни. В этой связи Комитет счел, что решение суда от 9 февраля 2012 года, рассматриваемое в контексте предыдущих судебных решений, принятых судами государства-участника по данному делу, представляло собой отказ в правосудии для г-на Б. в нарушение статьи 9, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 3 Конвенции (пункт 9.9 Соображений).

Г-н Р. подал против родителей автора иск в окружной суд, указав, что из-за навеса ширина дорожки сократилась с 1,5 до 1,25 метров и подход стал ограниченным по высоте, что нарушило его право прохода. 17 июля 2002 года суд вынес решение в пользу г-на Р. и постановил снести навес» (пункты 2.1 – 2.3 Соображений).

Вывод Комитета: государство-участник не выполнило своих обязательств по статье 9, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 3 Конвенции (пункт 10 Соображений).

в сфере предоставления финансовых услуг

Дело «*Сильвия Ниуш и Петер Такач против Венгрии*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 16 апреля 2013 года. Сообщение № 1/2010¹⁸. Установлено, что ни одна из предпринятых государством мер не обеспечила для страдающих расстройством зрения лиц доступности к банковским услугам по картам, которые обеспечиваются банкоматами. Допущено нарушение Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: учитывая должным образом принимаемые государством-участником меры по улучшению доступности банкоматов ОТП¹⁹ и других финансовых учреждений для лиц с нарушениями зрения и с другими видами нарушений, Комитет тем не менее отметил, что ни одна из этих мер не обеспечила доступности банковских услуг по картам, которые обеспечиваются банкоматами ОТП для авторов или для других лиц, находящихся в подобном положении. Соответственно, Комитет считает, что государство-участник не выполнило своих обязательств по пункту 2 «b» статьи 9 Конвенции (пункт 9.6 Соображений).

Выводы Комитета: допущено нарушение статьи 9 Конвенции.

¹⁸ Как усматривалось из текста Соображений, оба автора страдали очень серьезным расстройством зрения. Они утверждали, что «...из-за своей инвалидности они подвергаются непосредственной дискриминации в отношении доступа к услугам, которые обеспечиваются банкоматами, по сравнению со зрячими клиентами ОТП. Они указывали, что при определении дискриминации как Столичный апелляционный суд, так и Верховный суд игнорировали мнение Консультативного совета по вопросам равного обращения о том, что «[...] необеспечение доступности для инвалидов является нарушением принципа равного обращения, и, таким образом, необеспечение беспрепятственного доступа подпадает под действие Закона о равном обращении. [...] Неисполнение обязанности по обеспечению доступности представляет собой прямую дискриминацию, поскольку это означает, что отношение к инвалидам при получении ими доступа к услугам является менее благоприятным, чем к лицам без инвалидности [...]» (пункт 3.2 Соображений).

Информация об этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 июня 2014 года.

¹⁹ Кредитная организация в Венгрии.

См. также нижеприведенные дела: «*Артуро Медина Вела против Мексики*». Сообщение Комитета от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015; «*Фиона Гивен против Австралии*». Сообщение Комитета от 16 февраля 2018 года. Сообщение № 19/2014.

Равенство перед законом (статья 12 Конвенции²⁰)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения равенства перед законом

В соответствии со статьей 12 Конвенции государства-участники обязаны признать, что инвалиды обладают дееспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни. Согласно пункту 4 статьи 12 Конвенции государства-участники обязаны обеспечить, чтобы все меры, связанные с реализацией дееспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией дееспособности, ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, были соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной

²⁰ В силу статьи 12 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники подтверждают, что каждый инвалид, где бы он ни находился, имеет право на равную правовую защиту.

2. Государства-участники признают, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни.

3. Государства-участники принимают надлежащие меры для предоставления инвалидам доступа к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей правоспособности.

4. Государства-участники обеспечивают, чтобы все меры, связанные с реализацией правоспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией правоспособности, ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, были соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией. Эти гарантии должны быть соразмерны той степени, в которой такие меры затрагивают права и интересы данного лица.

5. С учетом положений настоящей статьи государства-участники принимают все надлежащие и эффективные меры для обеспечения равных прав инвалидов на владение имуществом и его наследование, на управление собственными финансовыми делами, а также на равный доступ к банковским ссудам, ипотечным кредитам и другим формам финансового кредитования и обеспечивают, чтобы инвалиды не лишались произвольно своего имущества».

инстанцией. Комитет напоминает, что на основании пункта 5 статьи 12 Конвенции государства-участники обязаны принимать все надлежащие и эффективные меры для обеспечения равного права инвалидов на управление собственными финансовыми делами (пункт 11.5 Соображений от 6 сентября 2021 года по делу *«Магдолена Рекаси против Венгрии»*. Сообщение № 44/2017).

В соответствии со статьей 12 Конвенции государства-участники обязаны признать, что инвалиды обладают дееспособностью наравне с другими лицами во всех аспектах жизни. Кроме того, государства обязаны принимать надлежащие меры для предоставления инвалидам доступа к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей дееспособности (пункт 10.6 Соображений от 6 сентября 2019 года по делу *«Артуро Медина Вела против Мексики»*. Сообщение № 32/2015).

Комитет вновь напомнил: статус инвалида или наличие какого-либо нарушения никогда не должны служить основанием для лишения лиц правоспособности или любых прав, предусмотренных в статье 12, и что согласно пункту 2 статьи 12 государства-участники обязаны признавать, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими людьми во всех аспектах жизни. В соответствии с пунктом 3 статьи 12 Конвенции о правах инвалидов государства-участники должны обеспечить доступ к поддержке, которая может потребоваться инвалидам для осуществления их правоспособности (пункт 8.6 Соображений от 12 марта 2020 года по делу *«Кристофер Лео против Австралии»*. Сообщение № 17/2013).

Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенную свободу усмотрения для определения процедурных механизмов, позволяющих инвалидам реализовывать свою дееспособность, необходимо уважать процессуальные гарантии и права конкретных лиц (пункт 11.7 Соображений от 6 сентября 2021 года по делу *«Магдолена Рекаси против Венгрии»*. Сообщение № 44/2017).

Согласно пункту 21 Замечания общего порядка № 1 Комитета по правам инвалидов в тех случаях, когда после приложения значительных усилий все же оказывается практически невозможным установить волю и предпочтения отдельного лица, то вместо установлений, касающихся «высших интересов», следует применять «наилучшее толкование воли и предпочтений». Это ориентировано на уважение прав, воли и предпочтений отдельного лица в соответствии с пунктом 4 статьи 12 Конвенции. В отношении взрослых людей принцип «высших интересов» не служит гарантией, которая сообразовывается со статьей 12 Конвенции. Парадигму «высших интересов» следует заменить парадигмой «воли и предпочтений» для обеспечения того, чтобы инвалиды пользовались правом на дееспособность наравне с другими (пункт 11.6 Соображений от 6 сентября 2021 года по делу *«Магдолена Рекаси против Венгрии»*. Сообщение № 44/2017).

***реализация лицом с ограниченными возможностями своей дееспособности
в сфере финансовых отношений***

Дело «*Магдолена Рекаси против Венгрии*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 6 сентября 2021 года. Сообщение № 44/2017²¹. Решение органа опеки разрешить опекуну автора сообщения заключить договор страхования жизни от имени автора, не предприняв значительных усилий для определения ее воли или предпочтений, или «наилучшего толкования» ее воли и предпочтений, по мнению Комитета по правам инвалидов, представляло собой нарушение ее прав, предусмотренных в статье 12 Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: вопрос, который Комитет должен был решить, заключался в том, является ли решение органа опеки, разрешающее опекуну автора заключить договор страхования жизни от ее имени, нарушением ее прав, предусмотренных в статье 12 Конвенции. Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что с ней не консультировались до заключения договора страхования жизни и что ее воля и предпочтения не были приняты во внимание (пункт 11.2 Соображений).

Комитет отметил следующее: на момент заключения договора автору было всего 42 года, она имела хорошее здоровье, и в тот момент ее жизни ничто не угрожало. Комитет также указал, что состояние автора значительно улучшилось благодаря полученному лечению. Он учел заявление автора о том, что заключение договора страхования, единственной целью которого было – обеспечить покрытие расходов на ее похороны, было, по ее мнению,

²¹ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что в нарушение ее прав, предусмотренных в статьях 3 и 12 (пункты 4 и 5) Конвенции о правах инвалидов, государство-участник не приняло мер, включавших надлежащие и эффективные гарантии реализации ею своей дееспособности в финансовых вопросах. На момент заключения договора страхования жизни автору было 42 года и она была здорова. Страхование жизни автора с целью покрытия расходов на похороны в случае ее кончины было неоправданным финансовым решением, принятым ее опекуном и органом опеки без консультации с автором. В результате она была лишена возможности принимать решения по непосредственно касающимся ее финансовым вопросам. Это решение серьезно повлияло на ее финансовое положение. Она не смогла выкупить договор, не понеся значительных финансовых потерь. Структура договора явно не отвечала ее высшим интересам, воле или предпочтениям. Автор также утверждала, что в соответствии с пунктом 3 статьи 12 Конвенции государства-участники обязаны оказывать инвалидам поддержку в реализации ими своей дееспособности. Государства-участники должны воздерживаться от лишения инвалидов дееспособности и, напротив, должны предоставлять им доступ к необходимой поддержке с тем, чтобы они могли принимать решения, имеющие юридическую силу. Поддержка в реализации дееспособности должна уважать права, волю и предпочтения людей с инвалидностью и никогда не должна сводиться к принятию решений за них (пункты 3.1 – 3.2 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1(2022)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/28228/.

безответственным финансовым решением, противоречившим ее интересам. Комитет подчеркнул: хотя по условиям договора автор имела право выкупить страховку, она не могла получить всю сумму, что являлось существенной потерей для автора, которая получала только ежемесячную пенсию в размере всего лишь 203 долл. США. В этой связи он обратил внимание – государство-участник не объяснило срочность или необходимость заключения договора страхования жизни от имени автора с учетом всех обстоятельств (пункт 11.4 Соображений).

Комитет отметил: государство-участник не смогло продемонстрировать, что оно предприняло сколь-либо серьезные усилия для определения воли и предпочтений автора сообщения или наилучшего толкования ее воли и предпочтений (пункт 11.6 Соображений).

Комитет принял к сведению аргумент автора, утверждавшей, что процедура, которой следовали орган опеки и ее опекун, также игнорировала требования пункта 3 статьи 12 Конвенции. Согласно положениям этого пункта государство-участник обязано предоставить инвалидам доступ к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей дееспособности. В этой связи Комитет напомнил, что в своих заключительных замечаниях по первоначальному периодическому докладу государства-участника он рекомендовал государству-участнику эффективно использовать данный процесс обзора его национального гражданского кодекса и связанных с ним законов и принять немедленные меры, направленные на то, чтобы частично отменить опеку и перейти от субститутивного принятия решений к поддерживаемой модели принятия решений, которая уважает автономию человека, его волю и предпочтения и полностью соответствует статье 12 Конвенции, в том числе в отношении права человека как физического лица давать и отзываться информированное согласие на медицинское лечение, иметь доступ к правосудию, голосовать, вступать в брак, работать и выбирать место жительства. В случае автора Комитет установил следующее – учитывая, что на момент заключения договора дееспособность автора была полностью ограничена, то ей не было предоставлено никакой возможности или поддержки или необходимых условий для осуществления своих прав в отношении финансовых вопросов (пункт 11.7 Соображений).

Выводы Комитета: решение органа опеки разрешить опекуну автора заключить договор страхования жизни от имени автора, не предприняв значительных усилий для определения ее воли или предпочтений, «наилучшего толкования» ее воли и предпочтений, представляло собой нарушение ее прав, предусмотренных в статье 12 Конвенции.

*реализация лицом с ограниченными возможностями своей дееспособности
в сфере избирательных правоотношений*

См. нижеприведенное дело *«Жольт Булдошё, Яношне Ильдиго Маркуш, Виктория Мартон, Шандор Месарош, Гергели Полк и Янош Сабо*

против Венгрии». Соображения Комитета от 9 сентября 2013 года. Сообщение № 4/2011.

реализация лицом с ограниченными возможностями своей дееспособности в сфере защиты права на свободу и личную неприкосновенность

См. нижеприведенное дело «*Кристофер Лео против Австралии*». Соображения Комитета от 12 марта 2020 года. Сообщение № 17/2013.

реализация потерпевшим, будучи лицом с ограниченными возможностями, своей дееспособности в сфере уголовного судопроизводства

Дело «*Борис Макаров против Литвы*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 18 августа 2017 года. Сообщение № 30/2015²². Государство-участник не обеспечило какой-либо формы «разумного приспособления» для г-жи М., являвшейся лицом с ограниченными возможностями, чтобы та, будучи потерпевшей по уголовному делу, могла принять участие в судебных слушаниях и в последующей процедуре обжалования в связи с ее делом. Комитет счел, что государство-участник нарушило ее права по Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: обеспечение доступа к правосудию не произошло в деле г-жи М., поскольку, являясь потерпевшей от происшествия она явно была «прямым участником» соответствующих судебных процессов. Комитету также ясно, что г-жа М. хотела, чтобы ее позиция была услышана во время судебных слушаний, но ей не представлено никакой формы приспособления, чтобы она имела такую возможность: она не могла присутствовать на слушаниях из-за своей инвалидности; она информировала государство-участник об этом и просила государство-участник обеспечить ее юридическое представительство в первой

²² Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что 12 июня 2005 года его жена стала жертвой дорожно-транспортного происшествия, вызванного В.М. В результате жена автора получила множественные телесные повреждения, включая травму головы. 9 января 2006 года государственная медицинская комиссия установила 60% коэффициент медицинской инвалидности в отношении г-жи М. Впоследствии она страдала от головных болей. Согласно сообщению автора, ее инвалидность, головные боли, потеря памяти и трудоспособности были прямым следствием травмы головы, полученной ею в дорожно-транспортном происшествии. Автор далее обратил внимание, что к 19 января 2007 года последствия травмы головы усугубились до такой степени, что у его жены был диагностирован коэффициент инвалидности 80%. По словам автора, состояние г-жи Макаровой продолжало ухудшаться вплоть до ее смерти 24 ноября 2011 года, когда она умерла из-за последствий травматической мозговой травмы. Вследствие ухудшения своего состояния г-жа М. не могла участвовать в слушаниях суда. Письмом от 30 июня 2006 года судья П. первого районного суда Вильнюса был информирован о том, что жена автора не сможет присутствовать при разбирательстве, а также об отсутствии у нее возможностей нанять адвоката по финансовым причинам. Автор подчеркнул, что статья 118 Конституции Литовской Республики налагает на прокурора обязанность защищать позицию потерпевшего в случае, если он или она не может позволить себе адвоката, и налагает на суд обязанность обеспечить пользование потерпевшим этим правом. Однако, по мнению автора сообщения, эти требования были проигнорированы и судья П. официально отказался предоставить его жене юридическую помощь. В результате его жена была незаконно лишена доступа к правосудию и осталась без юридической помощи, что лишило ее права на равную защиту по закону. Автор, таким образом, счел, что государство-участник нарушило права его жены по статьям 12 и 13 Конвенции (пп. 2.1 – 2.5 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2019)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28228/.

и в апелляционных инстанциях, но ей не было оказано никакой помощи. Считая, что государство-участник не обеспечило какой-либо формы «разумного приспособления» для г-жи М., чтобы та могла принять участие в судебных слушаниях и последующей процедуре обжалования в связи с ее делом, Комитет счел: государство-участник нарушило ее права согласно пункту 3 статьи 12 и пункту 1 статьи 13 Конвенции²³ (пункт 7.6 Соображений).

Вывод Комитета: государство-участник не выполнило своих обязательств по статьям 12 и 13 Конвенции (пункт 7.7 Соображений).

См. также нижеприведенное дело *«Артуро Медина Вела против Мексики»*. Соображения Комитета от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015.

Доступ лица с ограниченными возможностями к правосудию (статья 13 Конвенции²⁴)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения доступа к правосудию²⁵

Согласно пункту 1 статьи 13 Конвенции о правах инвалидов государства-участники обеспечивают инвалидам наравне с другими лицами эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение теми своей эффективной роли участников процесса. Это предполагает соблюдение всех элементов права на справедливое судебное разбирательство, включая право

²³ В соответствии со статьей 2 Конвенции *«разумное приспособление»* означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и корректив, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод.

²⁴ В силу статьи 13 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники обеспечивают инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение теми своей эффективной роли прямых и косвенных участников, в том числе свидетелей, во всех стадиях юридического процесса, включая стадию расследования и другие стадии предварительного производства.

2. Чтобы содействовать обеспечению инвалидам эффективного доступа к правосудию, государства-участники способствуют надлежащему обучению лиц, работающих в сфере отправления правосудия, в том числе в полиции и пенитенциарной системе».

²⁵ **Для сведения:** в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на доступ к суду*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/28278/.

быть представленными и не подвергаться любому прямому или косвенному физическому или ненадлежащему психологическому давлению со стороны следственных органов в целях получения признательных показаний. Комитет напоминает: в тех случаях, когда речь может идти о смертной казни, нет необходимости доказывать, что обвиняемый должен пользоваться действенной помощью адвоката на всех стадиях судебного разбирательства и что информация, полученная в результате применения пыток, никогда не должна использоваться как доказательство (пункт 11.4 Соображений от 20 сентября 2018 года по делу *«Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии»*). Сообщение № 38/2016).

В силу пункта 1 статьи 13 Конвенции о правах инвалидов государства-участники обеспечивают инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение теми своей эффективной роли прямых и косвенных участников, например, свидетелей, во всех стадиях юридического процесса, включая стадию расследования и другие стадии предварительного производства». Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенную свободу усмотрения для определения процедурных механизмов, позволяющих инвалидам осуществлять свою правоспособность, необходимо уважать права данного лица (пункт 7.6 Соображений от 18 августа 2017 года по делу *«Борис Макаров против Литвы»*). Сообщение № 30/2015).

Комитет напомнил, что в соответствии с его Замечанием общего порядка № 1 (2014) о равенстве перед законом для того, чтобы добиться осуществления инвалидами своих прав и обязанностей наравне с другими, необходимо признать правосубъектность инвалидов и обеспечить их равный статус в судах и трибуналах (пункт 10.6 Соображений от 6 сентября 2019 года по делу *«Артуро Медина Вела против Мексики»*). Сообщение № 32/2015).

Согласно пункту 1 статьи 13 Конвенции о правах инвалидов государства-участники должны обеспечивать инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы (пункт 8.6 Соображений от 12 марта 2020 года по делу *«Кристофер Лео против Австралии»*). Сообщение № 17/2013).

Хотя государства-участники обладают определенной свободой усмотрения для определения процедурных механизмов, позволяющих инвалидам осуществлять свою правоспособность, однако, необходимо уважать соответствующие права данного лица (пункт 8.73 Соображений от 12 марта 2020 года по делу *«Кристофер Лео против Австралии»*). Сообщение № 17/2013).

Согласно статье 4 Конвенции о правах инвалидов государство-участник обязано способствовать эффективному доступу всех инвалидов к правосудию без какой-либо дискриминации по причине их инвалидности. Комитет напоминает о том, что в связи с правами и обязанностями в отношении

равенства и недискриминации, предусмотренными в статье 5 Конвенции, возникают конкретные соображения, касающиеся статьи 13, в которой, помимо прочего, говорится о необходимости процессуальных корректив. Эти коррективы отличаются от разумного приспособления, поскольку процессуальные коррективы не ограничиваются критерием несоразмерности (пункт 11.5 Соображений от 20 сентября 2018 года по делу «*Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии*». Сообщение № 38/2016).

Дело «*Артуро Медина Вела против Мексики*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015²⁶. Автор заявил, что, поскольку он не был судим наравне с другими по причине признания его неподсудным и применения к нему специальной процедуры для неподсудных лиц, то он стал жертвой дискриминации ввиду инвалидности. Он утверждал – его исключили из процесса уголовного разбирательства и не предоставили ему возможности быть судимым компетентным и беспристрастным судом, что он был лишен возможности присутствовать в суде, представить доказательства в свою защиту, назначить адвокатов по своему выбору и не имел доступа к обычным средствам правовой защиты, предусмотренным уголовным законодательством, в частности, не имел возможности обжаловать решение суда. Автор сообщения также обратил внимание на то, что примененные в отношении него «меры безопасности» имели дискриминационный характер. Речь шла не только об уголовном наказании, но и о психиатрическом лечении, которому он был подвергнут против воли, так как судебные органы сочли, что он представляет «опасность» для общества. В силу инвалидности он был лишен возможности досрочного освобождения, несмотря на то, что удовлетворял всем необходимым юридическим требованиям. Он также отметил: государство-участник не выполнило свое обязательство по обеспечению запрошенного им необходимого разумного приспособления, равно как и свои обязательства по изменению и отмене положений законодательства, чреватых дискриминацией в отношении инвалидов, в нарушение статьи 5, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 4 Конвенции о правах инвалидов. Допущено нарушение отдельных положений Конвенции.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: что касается предполагаемого нарушения статьи 5 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Конвенции, то Комитет отметил, что, по словам автора сообщения, специальная процедура для неподсудных лиц носит дискриминационный характер по отношению к инвалидам и применение этой процедуры оборачивается ограничением прав инвалидов в рамках судебного процесса (пункт 10.2 Соображений).

Специальная процедура для неподсудных лиц, предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом федерального округа, устанавливает правила в рамках уголовного судопроизводства в отношении лиц с психосоциальными и интеллектуальными нарушениями. Таким образом, вопрос, который стоял перед Комитетом, заключался в том, является ли

²⁶ Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 9(2020)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/29378/.

дифференцированное обращение в рамках примененной процедуры дискриминационным или нет (пункт 10.3 Соображений).

Комитет отметил, что согласно вышеупомянутой процедуре судебный орган обязан вынести заключение о поведении неподсудного лица и его способности выразить свою позицию, назначить ему защитника и вынести постановление о применении специальной процедуры в отношении лица, признанного бессрочно неподсудным. Предусматривалось, что для установления «степени неподсудности или психического расстройства судья может рассмотреть соответствующие обстоятельства, имеющие отношение к делу». По данному делу 14 сентября 2011 года автор был обвинен в краже автомобиля. Среди мер, принятых как прокуратурой, так и уголовным судом, была установлена необходимость применения специальной процедуры для неподсудных лиц на основе проведенной судмедэкспертом оценки, по итогам которой у автора было обнаружено диссоциальное расстройство личности и возможная «умственная отсталость легкой степени», из-за чего он был признан «неспособным давать показания». В соответствии с документами, представленными автором, он не имел возможности дать показания или опротестовать заявления сотрудников полиции, осуществлявших его задержание. Он также не смог пригласить адвоката по своему выбору, так как судебный орган назначил ему защитника. Кроме того, ему не была предоставлена какая-либо помощь или разумное приспособление, с тем чтобы он мог подготовить защиту по существу. Указанная документация также свидетельствовала о том, что автор не был приглашен для участия ни в одном из слушаний в ходе уголовного разбирательства. Ввиду наличия у автора психосоциального или интеллектуального нарушения к нему была применена специальная процедура, которая помешала ему непосредственно участвовать в процессе и прибегнуть к средствам защиты, и, следовательно, не было гарантировано его право на надлежащее судебное разбирательство. Признавая, что в некоторых случаях принцип соблюдения гарантий надлежащей правовой процедуры мог иметь исключения, Комитет отметил – в данном случае нет никаких оснований для оправдания его несоблюдения. Кроме того, эта процедура также не гарантировала внесения процессуальных корректив в интересах автора. Таким образом, Комитет счел, что применение специальной процедуры для неподсудных лиц, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом федерального округа, привело к дискриминационному обращению с автором в нарушение статьи 5, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 10.4 Соображений).

Что касается утверждений по статье 9 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 4, то Комитет принял к сведению жалобу автора относительно того, что государство-участник не выполнило свое обязательство по обеспечению доступности информации в ходе уголовного разбирательства. Комитет отметил, что в связи с психосоциальными и интеллектуальными нарушениями автора он не привлекался к участию в разбирательствах и не имел доступа к связанной с ним информации. Вся информация о судебных

процедурах и действиях передавалась его государственному защитнику. Кроме того, Комитет подчеркнул: ходатайство автора в окружной суд по вопросам о составлении упрощенного варианта текстов судебных решений была отклонена на том основании, что он «был надлежащим образом представлен назначенными ему адвокатами». Только одно из решений, вынесенных коллегиальным судом по уголовным делам, было опубликовано в доступном варианте. В этой связи Комитет пришел к выводу, что неучастие автора в уголовном разбирательстве по его делу и отказ в составлении упрощенной версии решений суда представляли собой нарушение статьи 9, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 10.5 Соображений).

Комитет считал, что объявление автора «неспособным давать показания» лишило его возможности реализовать свою дееспособность для целей заявления о своей невиновности, оспаривания выдвинутых против него доказательств, назначения адвокатов по его собственному выбору и обжалования любых решений, вынесенных не в его пользу. Автор не имел такой возможности и не получил надлежащей помощи или соответствующих корректив для осуществления своих прав²⁷. Комитет пришел к выводу: описанная ситуация представляла собой нарушение статьи 12, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 10.6 Соображений).

Что касается нарушения статьи 13, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Конвенции, то Комитет отметил, что автор был исключен из возбужденного в его отношении уголовного разбирательства. В то же время он принял к сведению представленные государством-участником доводы о том, что решение применить к автору специальную процедуру для неподсудных лиц основывалось на медицинских заключениях и имело целью гарантировать предоставление автору доступа к правосудию наравне с другими. По мнению Комитета, эта цель не была достигнута, поскольку представленная информация не свидетельствовала о том, что действия назначенного адвоката позволили автору эффективно участвовать в разбирательстве. Судебные власти неоднократно отказывали автору в возможности осуществления его прав, так как: а) с самого начала уголовного разбирательства он не имел возможности участвовать в судебном процессе, ему было запрещено давать показания, оспаривать представленные доказательства и присутствовать на слушаниях; б) ему не были направлены копии принятых решений; в) суд отклонил попытки автора принять участие в судебном разбирательстве, например, в случае, когда он подал апелляцию в отношении постановления девятого уголовного суда от 22 сентября 2011 года и когда он просил отменить назначение ему государственного защитника, для того чтобы воспользоваться помощью

²⁷ Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенную свободу усмотрения для определения процедурных механизмов, позволяющих инвалидам реализовывать свою дееспособность, необходимо уважать соответствующие права конкретных лиц и процессуальные гарантии.

частного адвоката; d) применение специальной процедуры для неподсудных лиц не гарантировала внесение процессуальных корректив, которые позволили бы автору получить доступ к правосудию наравне с другими. Даже при попытке исправить ту ситуацию, когда автору не было сообщено о вынесенном в отношении него окончательном приговоре, суд распорядился направить повторное уведомление законному представителю, тем самым лишив автора возможности сыграть активную роль в процессе. В силу этого Комитет пришел к выводу: государство-участник нарушило статью 13, рассматриваемую в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 10.7 Соображений).

Комитет отметил, что с самого начала уголовного разбирательства в отношении автора была назначена временная мера безопасности, действие которой затем было продолжено после вынесения обвинительного приговора (мера безопасности и помещение в специальное учреждение на четыре года). Даже несмотря на то, что судья, который вынес приговор, счел степень опасности автора «минимальной», он постановил поместить его в учреждение психосоциальной реабилитации в рамках пенитенциарной системы. В этой связи Комитет указал: помещение автора в вышеупомянутое учреждение было продиктовано исключительно медицинскими заключениями и соображениями о возможной опасности, которую он представлял для общества. В соответствии с представленными документами основным аргументом для помещения автора в специальное учреждение был тот факт, что, будучи инвалидом, он нуждался в медицинской помощи. Комитет также подчеркнул – ходатайство о досрочном освобождении автора, представленное автором сообщения и его матерью, было отклонено судьей, поскольку не было установлено, каким образом автору будет оказываться необходимый уход. Таким образом, Комитет отметил, что инвалидность автора стала основной причиной лишения его свободы. Это привело к нарушению пункта 1 «b» статьи 14 Конвенции (пункт 10.8 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 5, 9, 12, 13, 14 и 19, рассматриваемым в совокупности со статьей 4 Конвенции.

См. также нижеприведенные дела: *«Кристофер Лео против Австралии»*. Соображения Комитета от 12 марта 2020 года; *«Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии»*. Соображения Комитета от 20 сентября 2018 года. Сообщение № 38/2016; *«Артуро Медина Вела против Мексики»*. Соображения Комитета от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015, а также вышеприведенное дело *«Борис Макаров против Литвы»*. Соображения Комитета от 18 августа 2017 года. Сообщение № 30/2015.

Защита права лица с ограниченными возможностями на свободу и личную неприкосновенность (статья 14 Конвенции²⁸)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права лица на свободу и личную неприкосновенность²⁹

Комитет подтвердил, что одним из наиболее ценных прав, которыми наделен каждый человек, является свобода и личная неприкосновенность. Все инвалиды, и особенно лица, имеющие интеллектуальные и психосоциальные нарушения, имеют право на свободу согласно статье 14 Конвенции. Комитет напомнил, что в соответствии с пунктом 1 «b» статьи 14 Конвенции наличие инвалидности ни в коем случае не должно становиться основанием для лишения свободы. Аналогичным образом, согласно Основным принципам и Руководящим положениям Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд³⁰, интернирование лиц на основании наличия у них фактического или мнимого

²⁸ В силу статьи 14 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды наравне с другими:

а) пользовались правом на свободу и личную неприкосновенность;
 б) не лишались свободы незаконно или произвольно и чтобы любое лишение свободы соответствовало закону, а наличие инвалидности ни в коем случае не становилось основанием для лишения свободы.

2. Государства-участники обеспечивают, чтобы в том случае, если на основании какой-либо процедуры инвалиды лишаются свободы, им наравне с другими полагались гарантии, согласующиеся с международным правом прав человека, и чтобы обращение с ними соответствовало целям и принципам настоящей Конвенции, включая обеспечение разумного приспособления».

²⁹ **Для сведения:** в 2017 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2017 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/26331/.

³⁰ Режим доступа: URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/30/37>.

психосоциального или интеллектуального нарушения запрещено и государства-участники должны принимать все необходимые меры для предупреждения и искоренения практики принудительного интернирования по причине инвалидности (пункт 10.8 Сообщений от 6 сентября 2019 года по делу *«Артуро Медина Вела против Мексики»*. Сообщение № 32/2015).

В Конвенции признается, что инвалиды не обязаны проживать в каких-то определенных жилищных условиях из-за своих ограниченных возможностей. Кроме того, помещение инвалидов в специализированные учреждения в качестве условия оказания им государственных психиатрических услуг демонстрирует неравное обращение по признаку инвалидности и тем самым носит дискриминационный характер (пункт 8.5 Сообщений от 12 марта 2020 года по делу *«Кристофер Лео против Австралии»*. Сообщение № 17/2013).

Дело «*Кристофер Лео против Австралии*». Сообщения Комитета по правам инвалидов от 12 марта 2020 года. Сообщение № 17/2013³¹. Комитет принял к сведению заявление автора в соответствии со статьей 5 Конвенции о правах инвалидов о том, что часть П.А Уголовного кодекса Северной территории Австралии носит дискриминационный характер, поскольку она применяется лишь к лицам, страдающим когнитивными расстройствами, и что она предусматривает бессрочный арест таких лиц даже без установления их вины в совершении уголовных правонарушений, тогда как лица, не страдающие когнитивными расстройствами, защищены от подобного обращения за счет применения норм надлежащей правовой процедуры и справедливого судебного разбирательства. По мнению Комитета по правам инвалидов, бессрочный характер содержания автора сообщения под стражей, содержание в исправительном центре без осуждения за уголовное правонарушение, периодическая изоляция, принудительное лечение и содержание под стражей вместе с осужденными заключенными равнозначны нарушению Конвенции.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: установлено, что согласно части П.А Уголовного кодекса Северной территории Австралии лицо, признанное неспособным предстать перед судом, могло содержаться под стражей в течение неограниченного периода времени, поскольку, как предусмотрено статьей 43ZC указанного Кодекса, приказ о надзоре мог быть издан на неопределенный срок с учетом условий, касающихся его изменения, аннулирования или серьезного пересмотра. Лицо, в отношении которого издается приказ о надзоре, будет предположительно считаться по-прежнему психически неспособным предстать перед судом до тех пор, пока не будет доказано обратное. В то же время он или она не имеет возможности осуществлять свою правоспособность в суде. Как следовало из представленных материалов, в ноябре 2007 года автору было предъявлено обвинение в простом нападении при отягчающих обстоятельствах. В декабре 2007 года он был

³¹ Как усматривалось из текста Сообщений, автором сообщения является Кристофер Лео, представитель коренного населения Австралии, родившийся 24 августа 1980 года. Он утверждал, что являлся жертвой нарушения государством-участником статей 5, 12, 13, 14, 15, 19, 25, 26 и 28 Конвенции о правах инвалидов. Право автора на равенство и недискриминацию в соответствии со статьей 5, его право на свободу и личную неприкосновенность в соответствии со статьей 14 и его право на свободу от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в соответствии со статьей 15 Конвенции были нарушены, поскольку до июня 2013 года он находился в месте содержания под стражей, куда он был помещен на неопределенный срок, не будучи осужден за совершение преступления. Лицо, не имеющее инвалидности, не может быть заключено в тюрьму на неопределенный срок, не будучи осужденным за совершение преступления (пункт 3.2 Сообщений). Автор сообщения имел интеллектуальное нарушение здоровья по причине черепно-мозговой травмы, эпилепсии и психического заболевания (пункт 2.1 Сообщений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 9 (2020)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/29378/.

признан неспособным предстать перед судом. Был издан приказ о помещении его под стражу, и автор содержался в Исправительном центре Алис-Спрингса до июня 2013 года, когда он был помещен в учреждение по уходу с режимом изоляции. 7 ноября 2016 года он был переведен в общинное место проживания, где он находился один. Комитет отметил, что на протяжении всего срока содержания автора под стражей вся судебная процедура была сфокусирована на его психической способности предстать перед судом без предоставления ему какой-либо возможности заявить о своей невиновности или ответить на выдвинутые против него обвинения. Комитет также принял во внимание, что, согласно имеющейся информации, государство-участник не проанализировало, какие меры могут быть приняты для оказания автору сообщения поддержки и обеспечения его правоспособности, и не предприняло никаких шагов в этом направлении. В результате применения части II.A Уголовного кодекса Северной территории Австралии автор сообщения не был заслушан ни на одной стадии судебного разбирательства, что лишило его права на справедливое судебное разбирательство, а также защиты и равного пользования законом. Комитет счел: часть II.A названного Уголовного кодекса привела к дискриминационному рассмотрению дела автора в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 5 Конвенции (пункт 8.4 Соображений).

Комитет также принял к сведению утверждение автора, что его содержание в учреждении по уходу с режимом изоляции, созданном только для инвалидов, равнозначно нарушению статьи 5 Конвенции. Комитет учел заявление государства-участника о том, что автор, находившийся под действием приказа о режимном надзоре, был помещен в это новое специализированное учреждение и получал услуги по уходу и поддержке, связанные с его инвалидностью, самого высокого уровня. Автор пробыл в учреждении до 7 ноября 2016 года, когда он был переведен в общинное место жительства, где он получал конкретную поддержку. В этой связи Комитет отметил, что, согласно содержащейся в материалах этого дела информации, с автором не консультировались ни на какой стадии процедуры, касающейся его содержания под стражей и размещения. Комитет заключил; помещение автора сообщения в специальное учреждение в связи с его инвалидностью в период с июня 2013 года по ноябрь 2016 года равнозначно нарушению статьи 5 Конвенции (пункт 8.5 Соображений).

Решение о том, что автор не способен предстать перед судом по причине его интеллектуальных и психосоциальных нарушений, обернулось отказом ему в праве реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невиновности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Кроме того, принимая к сведению аргумент государства-участника о том, что судебная система Северной территории Австралии предоставляет инвалидам те же возможности доступа к услугам, зданиям и сооружениям, что и лицам без инвалидности, и что государству-участнику не известно о каких-либо отклоненных просьбах о поддержке участия автора в разбирательстве, Комитет также отметил заявление автора о том, что закон не предусматривал внесения

изменений и корректировок, которые позволили бы определить его виновность в совершении преступлений с учетом его когнитивных нарушений. Комитет резюмировал: власти государства-участника не предоставили адекватной поддержки или приспособлений с тем, чтобы автор сообщения мог предстать перед судом и осуществить свою правоспособность. Поэтому ему так и не была предоставлена возможность добиться определения по инкриминируемым ему уголовным обвинениям. Комитет счел, что, хотя государства-участники обладают определенной свободой усмотрения для определения процедурных механизмов, позволяющих инвалидам осуществлять свою правоспособность, необходимо уважать соответствующие права данного лица. В случае же автора этого не произошло, ибо он не имел возможности это сделать и ему не было предоставлено адекватной поддержки или адаптации, чтобы реализовать свои права на доступ к правосудию и на справедливое судебное разбирательство. Ввиду вышесказанного Комитет пришел к выводу, что рассматриваемая ситуация равносильна нарушению прав автора по пунктам 2 и 3 статьи 12 и по пункту 1 статьи 13 Конвенции (пункт 8.7 Соображений).

Комитет отметил следующее: согласно решению Верховного суда от 4 декабря 2007 года о том, чтобы объявить автора сообщения неспособным предстать перед судом, автор был помещен в тюрьму после решения Верховного суда от 22 декабря 2008 года. Комитет также подчеркнул, что судьи Верховного суда выразили обеспокоенность по поводу содержания автора сообщения в учреждении системы уголовного правосудия, однако это решение было принято из-за отсутствия альтернативных вариантов и услуг по оказанию поддержки. Поэтому решение о заключении автора под стражу было принято на основе оценки властями государства-участника потенциальных последствий его интеллектуальной инвалидности в отсутствие осуждения по уголовному делу, что сделало его инвалидность основной причиной его помещения под стражу. Поэтому Комитет счел, что содержание автора под стражей равнозначно нарушению пункта 1 статьи 14 Конвенции, согласно которому наличие инвалидности ни в коем случае не может служить основанием для лишения свободы (пункт 8.8 Соображений).

Автор утверждал, что он содержался под стражей в условиях максимальной безопасности, в одном помещении с осужденными, подвергался принудительному лечению и актам насилия со стороны других заключенных. Государство-участник признало, что автор не всегда содержался отдельно от осужденных, он временно содержался в изоляции и иногда он подвергался принудительному лечению. Кроме того, Комитет отметил – автор сообщения содержался под стражей, сначала в Исправительном центре Алис-Спрингса, а затем в учреждении по уходу с режимом изоляции. Он содержался в течение более девяти лет, не располагая никакими предварительными сведениями относительно ожидаемой продолжительности его содержания под стражей. Его содержание под стражей считалось бессрочным, поскольку в соответствии со статьей 43ZC части II.A Уголовного кодекса Северной территории Австралии приказ о надзоре был издан на неопределенный срок. Принимая во внимание

непоправимые психологические последствия, которые бессрочное содержание под стражей может иметь для задержанного лица, Комитет принял во внимание бессрочное содержание под стражей, которому автор подвергался, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Поэтому Комитет счел: даже если автор не доказал, что подвергался насилию со стороны других заключенных, то бессрочный характер его содержания под стражей, содержание в исправительном центре без осуждения за уголовное преступление, периодическая изоляция, принудительное лечение и содержание под стражей вместе с осужденными заключенными равнозначны нарушению статьи 15 Конвенции (пункт 8.10 Сообщений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 5, 12, 13, 14 и 15 Конвенции.

Запрет пыток, иного недопустимого обращения (статья 15 Конвенции³²)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения запрета пыток, иного недопустимого обращения³³

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 15 Конвенции о правах инвалидов никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания, и государства-участники принимают все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не

³² В силу статьи 15 Конвенции о правах инвалидов «1. Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам.

2. Государства-участники принимают все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не подвергались пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания».

³³ **Для сведения:** в 2022 году было актуализировано (по состоянию на 1 декабря 2022 года) *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/31960/.

Для сведения: в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения.* Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/29220/.

подвергались пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания. Комитет напоминает о том, что при поступлении жалобы на неправомерное обращение в нарушение статьи 15 государство-участник должно расследовать ее безотлагательно и беспристрастно (пункт 11.2 Соображений от 20 сентября 2018 года по делу *«Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии»*). Сообщение № 38/2016).

Комитет подчеркнул, что государства-участники располагают особыми возможностями для защиты прав лиц, лишенных свободы, в силу того что они осуществляют контроль над этими лицами, включая предупреждение любых форм обращения, противоречащих статье 15, и обеспечение прав, закрепленных в Конвенции. В этом контексте власти государства-участника должны уделять особое внимание конкретным потребностям и возможной уязвимости соответствующего лица, в том числе по причине его инвалидности. Комитет напомнил: непринятие адекватных мер и непредоставление достаточных разумных приспособлений, когда этого требуют лишенные свободы инвалиды, может представлять собой нарушение пункта 2 статьи 15 Конвенции (пункт 8.9 Соображений от 12 марта 2020 года по делу *«Кристофер Лео против Австралии»*). Сообщение № 17/2013).

Лишенные свободы лица не должны испытывать иных лишений и тягот помимо тех, которые являются неизбежным следствием лишения свободы, и что обращение с ними должно соответствовать, в частности, Минимальным стандартным правилам в отношении обращения с заключенными (правила *Нельсона Манделы*) (пункт 11.3 Соображений от 20 сентября 2018 года по делу *«Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии»*). Сообщение № 38/2016).

Согласно пункту «b» статьи 25 Конвенции государства-участники обязаны предоставлять те услуги в сфере здравоохранения, которые необходимы инвалидам непосредственно по причине их инвалидности, включая раннюю диагностику, а в подходящих случаях – услуги, призванные свести к минимуму и предотвратить дальнейшее возникновение инвалидности. С учетом этого положения, рассматриваемого совместно с пунктом 2 статьи 14 Конвенции, Комитет напоминает о том, что государства-участники несут особую ответственность за соблюдение прав человека в тех случаях, когда тюремные власти осуществляют контроль или имеют власть над инвалидами, лишенными свободы по решению суда (пункт 11.6 Соображений от 20 сентября 2018 года по делу *«Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии»*). Сообщение № 38/2016).

Дело *«Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии»*. Соображения Комитета от 20 сентября 2018 года. Сообщение № 38/2016³⁴. Несмотря на явные

³⁴ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что на момент его задержания государством-участником он уже страдал от частичного нарушения слуха в правом ухе. Он также обратил внимание на то, что акты пыток, которым он подвергся во

признаки того, что автор подвергался пыткам, и на наличие соответствующих жалоб от его родственников и представителей, государство-участник не представило информации, доказывающей, что его органы провели эффективное расследование этих конкретных утверждений. Обращение, которому автор сообщения подвергся во время содержания под стражей, представляло собой нарушение его права на гуманное обращение с уважением достоинства, присущего человеческой личности. Государство-участник не приняло никаких мер по обеспечению необходимых процессуальных корректив для эффективного участия заявителя в судебном процессе с учетом нарушения его слуха. Комитет по правам инвалидов пришел к выводу о несоблюдении государством положений Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: приняты к сведению жалобы по статье 15 Конвенции о правах инвалидов относительно того, что автор сообщения подвергался физическому и психологическому давлению с первого дня его задержания со стороны нескольких сотрудников полиции и тюрьмы, которые пытались заставить его признать свою вину, что эти акты пыток привели к полной потере слуха в его правом ухе. Комитет отметил – несмотря на явные признаки того, что автор подвергался пыткам, и на наличие соответствующих жалоб его родственников и представителей, государство-участник не представило информации, демонстрирующей, что его органы провели эффективное расследование этих конкретных утверждений. Комитет указал: ни одно из этих утверждений не было опровергнуто государством-участником. В этих условиях Комитет постановил, что утверждениям автора следует уделить должное внимание, пришел к выводу –

время ареста и содержания под стражей, привели к обострению уже имевшихся у него проблем, связанных с инвалидностью. Кроме того, заявитель считал, что обращение, которому он подвергся со стороны сотрудников органов безопасности и тюремных властей, представляло собой насилие в нарушение статьи 16 Конвенции. Автор также полагал: не предоставив ему медицинскую помощь, которая была ему необходима для того, чтобы предотвратить полную и необратимую потерю слуха, государство-участник нарушило его права, предусмотренные в статье 25 Конвенции. В этой связи он утверждал, что государство-участник лишило его доступа к необходимой срочной операции, несмотря на то, что именно государственные должностные лица нанесли ему телесные повреждения, приведшие к стойкой инвалидности, и что государству-участнику было известно – отсутствие срочного лечения приведет к полной и необратимой потере слуха. Автор также утверждал, что, не предоставляя ему доступа к адвокату с момента его задержания в 2012 году и по конец 2016 года, власти государства-участника нарушили его права на надлежащую законную процедуру, в том числе его право консультироваться с адвокатом. Он утверждал – хотя на момент начала судебного разбирательства он и получил доступ к адвокату, все его просьбы предоставить свидание были отклонены. Автор также указал: не было принято никаких мер, чтобы он мог принимать реальное участие в разбирательстве, несмотря на его нарушение слуха, и считал, что вся эта ситуация может быть приравнена к нарушению его прав в соответствии с пунктом 1 статьи 13 Конвенции, рассматриваемым отдельно и в совокупности со статьей 4 Конвенции.

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2019)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28228/.

что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении прав заявителя по статье 15 Конвенции (пункт 11.2 Соображений).

Комитет отметил, что государство-участник не оспорило информацию, касающуюся условий содержания автора в одиночной камере и злоупотреблений, насилия и пыток, которым он подвергся. Комитет счел: обращение, которому автор подвергся во время содержания под стражей, представляло собой нарушение его права на гуманное обращение с уважением достоинства, присущего человеческой личности, и может быть приравнено к надругательствам и насилию в нарушение статьи 16 Конвенции (пункт 11.3 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждение автора по пункту 1 статьи 13 Конвенции о правах инвалидов о том, что: а) он подвергался пыткам и был вынужден признать свою вину, его признание было использовано судами для того, чтобы признать его виновным и приговорить к смертной казни, несмотря на ходатайства родственников и представителей автора о том, чтобы это доказательство не использовалось в деле, так как было получено под пытками; и б) он не имел доступа к адвокату до сентября 2016 года, когда автору сообщения было разрешено назначить его для представления своих интересов в Специальном уголовном суде в Эр-Рияде, но запрещено вступать с ним в контакт (пункт 11.4 Соображений).

Государство-участник обязано было обеспечить все необходимые процессуальные условия для эффективного участия заявителя в процессе с учетом нарушения его слуха. Комитет отметил, что, согласно имеющейся информации, государство-участник не приняло никаких мер в этой связи. Таким образом, Комитет пришел к выводу: государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктом 1 статьи 13, рассматриваемые отдельно и в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 11.5 Соображений).

Вывод Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по пункту 1 статьи 13, рассматриваемому отдельно и в совокупности со статьями 4, 15, 16 и 25 Конвенции (пункт 12 Соображений).

См. также вышеприведенные дела: «*Артуро Медина Вела против Мексики*». Соображения Комитета от 6 сентября 2019 года. Сообщение № 32/2015; «*Кристофер Лео против Австралии*». Соображения Комитета от 12 марта 2020 года. Сообщение № 17/2013 и нижеприведенное дело «*Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании*». Соображения Комитета от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017.

Вопросы административного выдворения лица с ограниченными возможностями в аспекте запрета пыток, иного недопустимого обращения (статья 15 Конвенции)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения недопустимости выдворения лица с ограниченными возможностями в государство, где имеется реальный риск применения в отношении такого лица пыток, иного недопустимого обращения³⁵

В статье 10 Конвенции о правах инвалидов государства-участники вновь подтверждают неотъемлемое право каждого человека на жизнь и принимают все необходимые меры для обеспечения его эффективного осуществления инвалидами наравне с другими лицами. Комитет напоминает также, что согласно статье 15 Конвенции государства-участники принимают все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не подвергались пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания (пункт 10.2 Соображений от 6 сентября 2021 года по делу «З.Х. против Швеции». Сообщение № 58/2019).

В своих Замечаниях общего порядка № 31 (2004) Комитет по правам человека ссылается на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого как предусмотренный в статьях 6 и 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 12). Комитет по правам человека в своих предыдущих решениях указывал – опасность должна угрожать человеку лично и для установления наличия реальной опасности причинения непоправимого вреда должен применяться высокий порог. По этой причине должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая

³⁵ **Для сведения:** в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27085/.

Для сведения: в 2022 году в Верховном Суде Российской Федерации был обновлен *Перечень докладов, принятых в рамках международных межправительственных организаций, о соблюдении прав и свобод человека в отдельных государствах* (по состоянию на 1 декабря 2022 года).

Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/31889/.

общее положение в области прав человека в стране происхождения автора. В своей правовой практике Комитет по правам человека также подчеркивал: значительный вес следует придавать оценке, проводимой государством, и что, как правило, именно органам государств надлежит рассматривать или оценивать факты и доказательства по конкретному делу, чтобы определить наличие угрозы, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна очевидной ошибке либо отказу в правосудии (пункт 10.3 Соображений от 6 сентября 2021 года по делу «*З.Х. против Швеции*»). Сообщение № 58/2019).

Комитет далее напоминает о своем решении по делу «*Н.Л. против Швеции*»³⁶, в котором он установил нарушение статьи 15 Конвенции в связи с тем, что государство-участник не оценило, сможет ли автор получить доступ в Ираке к медицинской помощи, отвечающей ее диагнозу, хотя автор сообщения представила в национальные органы несколько медицинских заключений, где состояние ее здоровья оценивалось как тяжелое и угрожающее жизни в отсутствие лечения, которое она получала в государстве-участнике. Комитет отметил, что в этом решении была сделана ссылка на соответствующую правовую практику Комитета по правам человека, Комитета против пыток и Европейского Суда по правам человека. Комитет обратил внимание, что общие принципы, сформулированные в этих решениях, были подтверждены в деле «*Н.Л. против Швеции*» (пункты 7.3–7.5 Соображений) и остаются актуальными для оценки данного дела (пункт 10.4 Соображений от 6 сентября 2021 года по делу «*З.Х. против Швеции*»). Сообщение № 58/2019).

Комитет по правам инвалидов напоминает о позиции Комитета против пыток и Европейского Суда по правам человека, согласно которой бремя доказывания лежит на авторе сообщения – он должен представить доказательства, способные продемонстрировать наличие серьезных оснований полагать, что в случае высылки он подвергнется реальному риску жестокого обращения. Тем не менее речь не идет о требовании четких доказательств, поскольку превентивная цель принципа, запрещающего принудительное возвращение (*non-refoulement*), имеет определенный элемент спекуляции (пункт 10.9 Соображений от 6 сентября 2021 года по делу «*З.Х. против Швеции*»). Сообщение № 58/2019).

Дело «*З.Х. против Швеции*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 6 сентября 2021 года. Сообщение № 58/2019³⁷. Комитет по правам

³⁶ Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 9(2021)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/30431/.

³⁷ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что, выслав его в Афганистан, государство-участник нарушит его права по статьям 10 и 15 Конвенции о правах инвалидов, поскольку его высылка приведет к серьезному риску самоубийства и к

инвалидов констатировал – остаются серьезные сомнения в том, действительно ли автор будет иметь доступ к адекватной медицинской помощи, чтобы предотвратить в Афганистане нарушение его прав по статье 15 Конвенции о правах инвалидов. Поскольку оценка национальных властей относительно существования реального риска причинения непоправимого вреда автору в стране его происхождения была произвольной, то Комитет констатировал: высылка автора в Афганистан в случае ее осуществления будет означать нарушение статьи 15 Конвенции.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: приняты к сведению утверждения автора о том, что, депортируя его в Афганистан, государство-участник нарушит его права, предусмотренные статьями 10 и 15 Конвенции, поскольку его высылка приведет к высокому риску самоубийства, а также к другим серьезным угрозам для его жизни и здоровья. Комитет принял также к сведению представленную автором информацию, что ему диагностировали тяжелую депрессию с психотическими признаками и он дважды проходил лечение в соответствии с Законом об обязательной психиатрической помощи, после того как у него появились галлюцинации и суицидальные настроения, и он совершил несколько попыток самоубийства. Комитет учел аргумент автора о том, что, хотя в ходе процедуры рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища он передал властям несколько медицинских заключений, подтверждавших, что ему также был поставлен диагноз параноидальной шизофрении, однако, власти не сочли нужным повторно рассмотреть его ходатайство, с тем чтобы выяснить – сможет ли автор получить адекватное состоянию его здоровья лечение в свете нового диагноза. Комитет отметил утверждение автора о том, что в медицинских заключениях состояние его здоровья было описано как угрожающее жизни без лечения, но при этом его диагнозу власти придали меньшее значение, так как сочли, что его причиной стал отказ в удовлетворении ходатайства заявителя о предоставлении убежища (пункт 10.5 Соображений).

Учитывая все вышеизложенные факторы, Комитет должен был определить, существуют ли серьезные основания полагать, что в соответствии со статьями 10 и 15 Конвенции автор столкнется с реальным риском причинения ему непоправимого вреда в случае его высылки в Афганистан,

другим угрозам для его жизни и здоровья. Он также обратил внимание: медицинские заключения, представленные национальным властям, свидетельствовали о том, что у него диагностированы длительные психические заболевания, и считал, что отсутствие надлежащего медицинского лечения в Афганистане приведет к серьезному, быстрому и необратимому ухудшению состояния его здоровья, станет причиной сильных страданий или значительного сокращения продолжительности жизни (пункт 3.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 11 (2021)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/30643/.

например, столкнется ли он с серьезным, быстрым и необратимым ухудшением здоровья, которое приведет к сильным страданиям или значительному сокращению продолжительности жизни. Комитет отметил: стороны не оспаривали поставленный автору диагноз посттравматического стрессового расстройства и тот факт, что он проходил лечение от этого заболевания и оно оценивалось как угрожающее жизни из-за риска самоубийства. Комитет далее обратил внимание на то, что из решения Суда по миграционным делам от 17 июля 2018 года следовало – диагноз автора «параноидальная шизофрения» не ставился под сомнение на национальном уровне, но был сочтен не представляющим собой новое обстоятельство, требующее повторного рассмотрения ходатайства автора о предоставлении убежища (пункт 10.7 Соображений).

Комитет принял во внимание аргументы автора, что национальным властям необходимо было провести повторную оценку в свете его диагноза параноидальной шизофрении и что в любом случае соответствующая информация о стране не подтверждала позицию властей, считавших, что он сможет получить психиатрическое лечение, даже в связи с его посттравматическим стрессовым расстройством. В этой связи Комитет учел позицию Суда по миграционным делам, установившего, что симптомы и функциональные нарушения автора, которые оценивались Судом по миграционным делам в ходе первоначального разбирательства, в основном совпадали с симптомами и функциональными нарушениями, описанными в медицинских заключениях, которые подтверждали диагноз «параноидальная шизофрения» автора. С учетом того факта, что органы, рассматривавшие ходатайства о предоставлении убежища, провели оценку рисков, связанных с состоянием психического здоровья автора, Комитет не смог сделать вывод о том, что отказ властей государства-участника провести отдельный анализ рисков в рамках нового производства, основываясь на новом диагнозе автора, сделал отклонение ходатайства автора о предоставлении убежища произвольным или равносильным явной ошибке или отказу в правосудии (пункт 10.8 Соображений).

По мнению Комитета, автор справился с бременем доказывания³⁸. Национальные же власти не смогли развеять сомнения в существовании угроз для автора в случае возвращения его в Афганистан. Комитет отметил: национальные власти связали плохое состояние здоровья и суицидальные настроения автора в первую очередь с его разочарованием результатами процесса рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища, что, по-видимому, необоснованно снизило вес утверждений автора по поводу его

³⁸ Комитет по правам инвалидов напомнил о позиции Комитета против пыток и Европейского Суда по правам человека, согласно которой бремя доказывания лежит на авторе сообщения, который должен представить доказательства, способные продемонстрировать наличие серьезных оснований полагать, что в случае высылки он подвергнется реальному риску жестокого обращения.

диагноза. Комитет указал на вывод миграционных властей о том, что медицинская помощь, необходимая для предотвращения нарушения прав автора по статье 15 Конвенции, будет доступна ему по возвращении в Афганистан. Основой для такого вывода послужили отчеты об общей ситуации с доступностью услуг здравоохранения в Афганистане, которые тем не менее указывали на ограниченный доступ к психиатрической помощи и к лекарственным препаратам. Дополнительные источники информации о ситуации в сфере здравоохранения в Афганистане, с которыми консультировался Комитет, сообщали о недостатке подготовленных специалистов (психиатров, социальных работников и психологов), инфраструктуры и понимания важности проблем психического здоровья, а также о крайней ограниченности ресурсов для населения численностью более 30 млн. человек. Комитет отметил следующее – национальные власти в значительной степени признали эти недостатки, что позволило усомниться в доступности медицинской помощи, необходимой автору для предотвращения нарушений его прав по статье 15 Конвенции о правах инвалидов. В этих условиях власти государства-участника были обязаны оценить, в какой степени автор действительно будет иметь доступ к требуемым медицинским услугам в Афганистане, и в случае сохранения серьезных сомнений получить от этого государства достаточные индивидуальные гарантии. Комитет счел – индивидуальные гарантии были бы особенно важными в обстоятельствах данного дела, учитывая, что автор покинул Афганистан в очень юном возрасте 13 лет назад и что, согласно сообщениям, возвращающиеся люди могут сталкиваться с особыми трудностями в получении доступа к услугам здравоохранения (пункт 10.9 Соображений).

С учетом этих обстоятельств Комитет констатировал – оставались серьезные сомнения в том, действительно ли автор будет иметь доступ к адекватной медицинской помощи, чтобы предотвратить нарушение его прав по статье 15 Конвенции в Афганистане. Поэтому оценка национальных властей существования реального риска причинения непоправимого вреда автору в стране его происхождения была произвольной.

Выводы Комитета: высылка автора в Афганистан в случае ее осуществления будет означать нарушение его прав по статье 15 Конвенции.

Запрет эксплуатации, насилия и надругательства в отношении лиц с ограниченными возможностями, в том числе в аспекте недопустимости размещать этих лиц в ненадлежащих условиях в местах принудительного содержания (статья 16 Конвенции³⁹⁾⁴⁰)

См. вышеприведенное дело *«Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии»*. Соображения Комитета от 20 сентября 2018 года. Сообщение № 38/2016, а также нижеприведенное дело *«Рубен Кальеха Лома и*

³⁹ В силу статьи 16 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники принимают все надлежащие законодательные, административные, социальные, просветительные и иные меры для защиты инвалидов как дома, так и вне его от всех форм эксплуатации, насилия и надругательства, в том числе от тех их аспектов, которые имеют гендерную подоплеку.

2. Государства-участники принимают также все надлежащие меры для предотвращения всех форм эксплуатации, насилия и надругательства, обеспечивая, в частности, подходящие формы оказания учитывающей возрастную-половую специфику помощи и поддержки инвалидам, их семьям и лицам, осуществляющим уход за инвалидами, в том числе путем ознакомления и просвещения в вопросе о том, как избегать проявлений эксплуатации, насилия и надругательства, определять их и сообщать о них. Государства-участники обеспечивают, чтобы услуги по предоставлению защиты оказывались с учетом возрастно-половой специфики и фактора инвалидности.

3. Стремясь предотвращать проявление всех форм эксплуатации, насилия и надругательства, государства-участники обеспечивают, чтобы все учреждения и программы, предназначенные для обслуживания инвалидов, находились под эффективным наблюдением со стороны независимых органов.

4. Государства-участники принимают все надлежащие меры для содействия физическому, когнитивному и психологическому восстановлению, реабилитации и социальной реинтеграции инвалидов, ставших жертвами любой формы эксплуатации, насилия или надругательства, в том числе путем оказания услуг по предоставлению защиты. Такие восстановление и реинтеграция происходят в обстановке, способствующей укреплению здоровья, благополучия, самоуважения, достоинства и самостоятельности соответствующего лица, и осуществляются с учетом нужд, обусловленных возрастно-половой спецификой.

5. Государства-участники принимают эффективное законодательство и стратегии, в том числе ориентированные на женщин и детей, для обеспечения того, чтобы случаи эксплуатации, насилия и надругательства в отношении инвалидов выявлялись, расследовались и в надлежащих случаях преследовались».

⁴⁰ Как было отмечено выше, в 2022 году было актуализировано (по состоянию на 1 декабря 2022 года) *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/31960/.

Алехандро Кальеха Лукас против Испании». Соображения Комитета от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017.

Защита личной целостности (статья 17 Конвенции⁴¹)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения личной целостности

Согласно статье 17 Конвенции о правах инвалидов каждый инвалид имеет право на уважение его физической и психической целостности наравне с другими (пункт 8.12 Соображений от 28 августа 2020 года по делу *«Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании»*. Сообщение № 41/2017).

См. нижеприведенное дело *«Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании»*. Соображения Комитета по правам инвалидов от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017.

Защита права лица с ограниченными возможностями на свободу передвижения. Вопросы гражданства (статья 18 Конвенции⁴²)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права на свободу передвижения

Подпункт «b» пункта 1 статьи 18 Конвенции о правах инвалидов предусматривает право инвалидов на свободу передвижения, свободу выбора местожительства и гражданства наравне с другими, в том числе посредством

⁴¹ В силу статьи 17 Конвенции о правах инвалидов «[к]аждый инвалид имеет право на уважение его физической и психической целостности наравне с другими».

⁴² В силу статьи 18 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники признают права инвалидов на свободу передвижения, на свободу выбора местожительства и на гражданство наравне с другими, в том числе путем обеспечения того, чтобы инвалиды:

а) имели право приобретать и изменять гражданство и не лишались своего гражданства произвольно или по причине инвалидности;

б) не лишались, по причине инвалидности, возможности получать документы, подтверждающие их гражданство, или иные удостоверяющие их личность документы, обладать такими документами и пользоваться ими либо использовать соответствующие процедуры, например иммиграционные, которые могут быть необходимы для облегчения осуществления права на свободу передвижения;

с) имели право свободно покидать любую страну, включая свою собственную;

д) не лишались произвольно или по причине инвалидности права на въезд в свою собственную страну.

2. Дети-инвалиды регистрируются сразу же после рождения и с момента рождения имеют право на имя и на приобретение гражданства, а также, в наиболее возможной степени, право знать своих родителей и право на их заботу».

обеспечения того, чтобы они могли воспользоваться иммиграционными процедурами, которые могут быть необходимы для облегчения осуществления права на свободу передвижения. Комитет считает, что в свете подпункта «b» пункта 1 статьи 18 Конвенции пункт 1 статьи 1 Факультативного протокола следует толковать как распространяющий юрисдикцию государства-участника на его соответствующие процедуры, включая иммиграционные. Таким образом, Комитет пришел к выводу: автор находилась под юрисдикцией государства-участника (пункт 7.4 Соображений от 19 марта 2021 года по делу «Грейн Шерлок против Австралии». Сообщение № 20/2014).

Хотя Конвенция в целом и ее статья 18, в частности, не создают каких-либо новых прав, они тем не менее распространяют обязательство защищать существующие права на иммиграционные процедуры (пункт 7.6 Соображений от 19 марта 2021 года по делу «Грейн Шерлок против Австралии». Сообщение № 20/2014).

Дело «Грейн Шерлок против Австралии». Соображения Комитета от 19 марта 2021 года. Сообщение № 20/2014⁴³. Решение национальных органов власти о том, что автор не удовлетворяет требованию для получения визы ввиду имеющегося у нее диагноза рассеянного склероза, которое было принято без учета каких-либо других обстоятельств ее личного и профессионального положения, представляло собой факт косвенной дискриминации по признаку инвалидности. Допущено нарушение Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: вопрос, который находился на рассмотрении Комитета, заключался в том, являлось ли миграционное требование в отношении здоровья в соответствии с критерием 4006А, содержащимся в Миграционных правилах 1994 года⁴⁴,

⁴³ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что государство-участник нарушило ее права, предусмотренные в статьях 4, 5 и 18 Конвенции. Она указала, что, обратившись с ходатайством о разрешении въезда в Австралию, она попала под ее юрисдикцию в связи с ее заявлением на получение визы. Таким образом, государство-участник обязано было рассмотреть ее заявление на получение визы без какой-либо дискриминации. С точки зрения заявителя, государство-участник обязано было также принять все надлежащие меры, включая законодательные, для запрещения дискриминации по признаку инвалидности и обеспечения эффективной правовой защиты от дискриминации по всем признакам в отношении права на свободу передвижения и свободу выбора местожительства (пункт 3.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 9 (2021)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/30431/.

⁴⁴ Как следовало из текста Соображений (пункт 2.3), все заявители на получение визы подкласса 457 должны удовлетворять требованию в отношении здоровья в соответствии с критерием общественного интереса 4006А, который прописан в Миграционных правилах 1994 года и предусматривает, что у заявителя не должно быть заболевания или состояния, в связи с которым он или она, вероятно, будет нуждаться в медицинских или общественных

нарушением прав автора по Конвенции. Комитет отметил, что в соответствии с вышеупомянутым критерием заявителя на получение визы подкласса 457, которые не отвечают требованию в отношении здоровья, могут быть освобождены от соблюдения этого требования только после представления обязательства их работодателя покрыть расходы на медицинское обслуживание. Комитет принял к сведению аргумент автора о том, что требование в отношении здоровья представляло собой препятствие для инвалидов в осуществлении права на использование иммиграционных процедур наравне с другими лицами в нарушение статьи 18 Конвенции. Он также учел доводы государства-участника о том, что к заявителям на получение почти всех австралийских временных виз предъявляются одинаковые требования в отношении здоровья; так, все заявители на получение визы подкласса 457 оцениваются по одному и тому же критерию без дифференцированного обращения; это требование может быть отменено, если работодатель обязуется покрыть все медицинские расходы (пункт 8.2 Соображений).

Комитет решил, что физическое нарушение здоровья автора во взаимодействии с барьерами действительно мешало ее полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими (пункт 8.6 Соображений).

Комитет подчеркнул – сам факт наличия у автора рассеянного склероза привел к тому, что она не смогла выполнить требование в отношении здоровья, что не позволило ей получить рабочую визу, необходимую для поездки в Австралию и занять должность, на которую она была отобрана ранее. Это противоречит Конвенции, поскольку государство-участник сосредоточило внимание на человеке, а не на отношенческих и средовых барьерах, которые препятствуют полному и эффективному участию инвалидов в жизни общества наравне с другими. Комитет отметил: в данном контексте государственные власти сосредоточили внимание на потенциальной стоимости медицинского лечения, которое требовалось автору, и что в тот момент, когда автор была идентифицирована как лицо с рассеянным склерозом, ее заявление на получение визы было отклонено. Компетентные органы не приняли во внимание, в частности, полную способность автора выполнять функции, соответствующие должности, на которую она была выбрана; последствия такого отказа для ее личной и профессиональной жизни; равно как предложенные ею альтернативы для обеспечения того, чтобы лечение, в котором она нуждалась, не создавало финансового бремени для государства-участника. Вместо этого государство-участник переложило всю ответственность за потенциальные финансовые последствия присутствия

услугах в течение срока действия визы в обстоятельствах, когда предоставление такого лечения повлечет за собой «значительные расходы для австралийских властей или ущемление права гражданина или постоянного жителя Австралии на доступ к медицинскому обслуживанию».

автора в государстве-участнике на компанию-работодателя. С учетом вышеизложенного Комитет счел, что в данном случае заявление автора на получение рабочей визы было отклонено исключительно на основании наличия у нее рассеянного склероза, без дальнейшего рассмотрения, и что миграционное требование в отношении здоровья согласно Закону о миграции оказало, таким образом, несоразмерное влияние на автора как человека с ограниченными возможностями и подвергло ее косвенному дискриминационному обращению (пункт 8.7 Соображений).

Комитет резюмировал: решение национальных органов власти о том, что автор не удовлетворяет требованию для получения визы подкласса 457 на основании имеющегося у нее диагноза рассеянного склероза, принятое без учета каких-либо других обстоятельств ее личного и профессионального положения, представляло собой факт косвенной дискриминации по признаку инвалидности (пункт 8.8 Соображений).

Выводы Комитета: допущены нарушения статей 4, 5 Конвенции, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 18 Конвенции.

Защита права лица с ограниченными возможностями на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество наравне с другими лицами (статья 19 Конвенции⁴⁵)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество наравне с другими лицами

Вести самостоятельный образ жизни и быть вовлеченным в местное сообщество, как это отражено в статье 19 Конвенции о правах инвалидов, означает осуществление свободы выбора и контроля в отношении решений, влияющих на жизнь человека, с максимальной степенью самоопределения и взаимозависимости внутри общества. Статья 19 Конвенции требует, чтобы государства-участники принимали эффективные и надлежащие меры для

⁴⁵ В силу статьи 19 Конвенции о правах инвалидов «Государства-участники настоящей Конвенции признают равное право всех инвалидов жить в обычных местах проживания, при равных с другими людьми вариантах выбора, и принимают эффективные и надлежащие меры для того, чтобы содействовать полной реализации инвалидами этого права и их полному включению и вовлечению в местное сообщество, в том числе обеспечивая, чтобы:

а) инвалиды имели возможность выбирать наравне с другими людьми свое место жительства и то, где и с кем проживать, и не были обязаны проживать в каких-то определенных жилищных условиях;

б) инвалиды имели доступ к разного рода оказываемым на дому, по месту жительства и иным вспомогательным услугам на базе местного сообщества, включая персональную помощь, необходимую для поддержки жизни в местном сообществе и включения в него, а также для недопущения изоляции или сегрегации от местного сообщества;

с) услуги и объекты коллективного пользования, предназначенные для населения в целом, были в равной степени доступны для инвалидов и отвечали их нуждам».

содействия полной реализации людьми с инвалидностью их права жить в общине, при равных с другими вариантами выбора, и их полному включению и вовлечению в жизнь местного сообщества, обеспечивая людям с инвалидностью доступ к ряду услуг по поддержке на дому, по месту жительства и иным вспомогательным услугам на базе местного сообщества, включая персональную помощь, необходимую для поддержки жизни в местном сообществе и включения в него, а также для недопущения изоляции или сегрегации от местного сообщества. Люди с инвалидностью имеют право на выбор услуг, и что, хотя индивидуальные вспомогательные услуги могут различаться по названию, типу или виду в зависимости от культурных, экономических и географических особенностей государства-участника, но все они должны предназначаться для содействия жизни в местном сообществе, недопущения изоляции и сегрегации от других людей и должны на практике соответствовать этим целям (пункт 9.2 Соображений от 24 марта 2022 года по делу «С.К. против Финляндии». Сообщение № 46/2018).

Дело «С.К. против Финляндии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 года. Сообщение № 46/2018⁴⁶. Тот факт, что национальные власти отклонили ходатайство автора о персональной помощи на основании критериев, являвшихся косвенно дискриминационными для лиц с интеллектуальной инвалидностью, повлек за собой умаление или отрицание реализации или осуществления автором права на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество наравне с другими в нарушение его прав, предусмотренных статьей 19 Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принят к сведению аргумент автора о том, что для самостоятельной жизни в своем жилье ему подойдет только персональная помощь. Комитет также отметил аргумент государства-участника: самостоятельное проживание человека с инвалидностью может быть обеспечено за счет специального жилья с обслуживанием – еще одного вида услуг, определенного в законодательстве о

⁴⁶ Как усматривалось из текста Соображений, ссылаясь на Замечание общего порядка № 5 (2017) Комитета, автор сообщения в соответствии со статьей 19 Конвенции жаловался на то, что он был лишен возможности делать личный и самостоятельный выбор и осуществлять контроль во всех сферах жизни. Его сочли неспособным жить самостоятельно в своем жилье, пользуясь персональной помощью. Оказываемая ему поддержка на практике привязана к конкретным условиям проживания. Ресурсы направлялись не на индивидуально подбираемые услуги, а скорее на обслуживание на базе специализированных учреждений. Муниципалитет и государство-участник отказались предоставить автору требуемые социальные услуги, которые позволили бы ему самостоятельно жить в обществе, что в его случае привело к зависимости от семьи, изоляции и сегрегации (пункт 3.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5(2022)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/31882/.

социальной поддержке людей с инвалидностью. Комитет далее указал на разногласия между сторонами относительно соответствия специального жилья с обслуживанием потребностям автора, наличия такого жилья и согласия автора жить в нем. В любом случае Комитет подчеркнул, что государство-участник не продемонстрировало на практике пригодность жилья с обслуживанием для удовлетворения потребностей автора. Напротив, оно отказало ему в просьбе о предоставлении персональной помощи на дому на том основании, что он не способен делать выбор — этот аргумент, по мнению Комитета, по всей видимости, явился проявлением эйблизма и противоречил правозащитной модели инвалидности. Учитывая отсутствие элементов, которые могли бы показать практическое применение этого теоретического вида услуг, Комитет счел, что отклонение ходатайства автора о предоставлении персональной помощи лишило его доступа к практическому варианту, способного содействовать его самостоятельной жизни и включению в местное сообщество. Поэтому Комитет пришел к выводу: права автора в соответствии с пунктом «b» статьи 19 Конвенции были нарушены (пункт 9.3 Соображений).

Комитет отметил, что заявление автора о предоставлении определенного количества часов персональной помощи осталось без удовлетворения, поскольку оно не отвечало ресурсному критерию, предусмотренному статьей 8 Закона о социальной поддержке людей с инвалидностью; то есть заявитель не имел возможности определить содержание помощи, которая ему потребуется для самостоятельной жизни в собственном доме, и способы ее предоставления. Комитет указал, что автору было предоставлено меньшее количество часов персональной помощи, чем он просил, и эта помощь предполагалась для его жизнедеятельности вне дома, а не на дому. Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что целью персональной помощи является поддержка личного выбора — другими словами, права на самоопределение — людей с ограниченными возможностями здоровья. Он также отметил заявление государства-участника о том, что эта цель не могла быть достигнута, если человек с инвалидностью не в состоянии сделать свой собственный выбор. Комитет учел довод автора, согласно которому требование о том, чтобы люди с инвалидностью могли определять содержание помощи и способы ее предоставления — без поддержки в принятии решений — является дискриминационным по отношению к лицам с интеллектуальной инвалидностью, поскольку им для этого требуется поддержка (пункт 9.6 Соображений).

В рассматриваемом случае Комитет отметил: автору предоставлена персональная помощь во время нахождения вне дома. Государство-участник не объяснило, на каком основании было сочтено, что автор в состоянии определить содержание необходимой ему помощи на улице, но не имеет такой же способности в отношении помощи, предоставляемой в помещении. Государство-участник также не пояснило, каким образом такое требование с интеллектуальным компонентом — возможностью определять содержание помощи и способы ее предоставления — позволяет людям, нуждающимся в

поддержке, иметь возможность выразить свой выбор наравне с другими. Поэтому Комитет пришел к выводу: в данном случае, в отсутствие объективного и разумного обоснования со стороны государства-участника, применение ресурсного критерия на основании статьи 8 Закона о социальной поддержке инвалидов непропорционально затронуло автора как лицо, которому требуется поддержка для соответствия этому критерию, и привело к тому, что он подвергся косвенной дискриминации (пункт 9.7 Соображений).

Комитет резюмировал: тот факт, что национальные власти отклонили ходатайство автора о персональной помощи на основании критериев, являющихся косвенно дискриминационными для лиц с интеллектуальной инвалидностью, повлек за собой умаление или отрицание реализации или осуществления автором права на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество наравне с другими в нарушение его прав, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 5, рассматриваемыми отдельно и в совокупности со статьей 19 Конвенции (пункт 9.8 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило своих обязательств, содержащихся в статье 5, рассматриваемых отдельно и в совокупности со статьей 19 Конвенции.

См. также нижеприведенное дело «*X.M. против Швеции*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 19 апреля 2012 года. Сообщение № 3/2011.

**Защита права лица с ограниченными возможностями на свободу
выражения мнения и убеждений и доступ к информации
(статья 21 Конвенции⁴⁷)⁴⁸**

См. нижеприведенное дело «*M. Кёк против Австрии*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 года. Сообщение № 50/2018.

**Защита права лица с ограниченными возможностями на уважение
семейной жизни (статья 23 Конвенции⁴⁹)⁵⁰**

⁴⁷ В силу статьи 21 Конвенции о правах инвалидов «Государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы инвалиды могли пользоваться правом на свободу выражения мнения и убеждений, включая свободу искать, получать и распространять информацию и идеи наравне с другими, пользуясь по своему выбору всеми формами общения, определяемыми в статье 2 настоящей Конвенции, включая:

а) снабжение инвалидов информацией, предназначенной для широкой публики, в доступных форматах и с использованием технологий, учитывающих разные формы инвалидности, своевременно и без дополнительной платы;

б) принятие и содействие использованию в официальных сношениях: жестовых языков, азбуки Брайля, усиливающих и альтернативных способов общения и всех других доступных способов, методов и форматов общения по выбору инвалидов;

с) активное побуждение частных предприятий, оказывающих услуги широкой публике, в том числе через Интернет, к предоставлению информации и услуг в доступных и пригодных для инвалидов форматах;

д) побуждение средств массовой информации, в том числе предоставляющих информацию через Интернет, к превращению своих услуг в доступные для инвалидов;

е) признание и поощрение использования жестовых языков».

⁴⁸ **Для сведения:** в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26427/.

⁴⁹ В силу статьи 23 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники принимают эффективные и надлежащие меры для устранения дискриминации в отношении инвалидов во всех вопросах, касающихся брака, семьи, отцовства, материнства и личных отношений, наравне с другими, стремясь при этом обеспечить, чтобы:

а) признавалось право всех инвалидов, достигших брачного возраста, вступать в брак и создавать семью на основе свободного и полного согласия брачующихся;

б) признавались права инвалидов на свободное и ответственное принятие решений о числе детей и интервалах между их рождением и на доступ к соответствующей возрасту информации и к просвещению в вопросах репродуктивного поведения и планирования семьи, а также предоставлялись средства, позволяющие им осуществлять эти права;

с) инвалиды, включая детей, наравне с другими сохраняли свою фертильность.

См. нижеприведенное дело «*Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017.

Защита права лица с ограниченными возможностями на инклюзивное образование (статья 24 Конвенции⁵¹)

2. Государства-участники обеспечивают права и обязанности инвалидов в отношении опекунов, попечительства, опеки, усыновления детей или аналогичных институтов, когда данные понятия присутствуют в национальном законодательстве; во всех случаях первостепенное значение имеют высшие интересы ребенка. Государства-участники оказывают инвалидам надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей.

3. Государства-участники обеспечивают, чтобы дети-инвалиды имели равные права в отношении семейной жизни. Для реализации этих прав и недопущения сокрытия детей-инвалидов, их оставления, уклонения от ухода за ними и их сегрегации государства-участники обязуются с самого начала снабжать детей-инвалидов и их семьи всесторонней информацией, услугами и поддержкой.

4. Государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями против их воли, за исключением случаев, когда поднадзорные суду компетентные органы в соответствии с применимыми законами и процедурами определяют, что такое разлучение необходимо в высших интересах ребенка. Ни при каких обстоятельствах ребенок не может быть разлучен с родителями по причине инвалидности либо самого ребенка, либо одного или обоих родителей.

5. Государства-участники обязуются в случае, когда ближайшие родственники не в состоянии обеспечить уход за ребенком-инвалидом, прилагать все усилия к тому, чтобы организовать альтернативный уход за счет привлечения более дальних родственников, а при отсутствии такой возможности - за счет создания семейных условий для проживания ребенка в местном сообществе».

⁵⁰ **Для сведения:** в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28123/.

⁵¹ В силу статьи 24 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники признают право инвалидов на образование. В целях реализации этого права без дискриминации и на основе равенства возможностей государства-участники обеспечивают инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни, стремясь при этом:

а) к полному развитию человеческого потенциала, а также чувства достоинства и самоуважения и к усилению уважения прав человека, основных свобод и человеческого многообразия;

б) к развитию личности, талантов и творчества инвалидов, а также их умственных и физических способностей в самом полном объеме;

с) к наделению инвалидов возможностью эффективно участвовать в жизни свободного общества.

2. При реализации этого права государства-участники обеспечивают, чтобы:

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права на инклюзивное образование⁵²

а) инвалиды не исключались по причине инвалидности из системы общего образования, а дети-инвалиды - из системы бесплатного и обязательного начального образования или среднего образования;

б) инвалиды имели наравне с другими доступ к инклюзивному, качественному и бесплатному начальному образованию и среднему образованию в местах своего проживания;

с) обеспечивалось разумное приспособление, учитывающее индивидуальные потребности;

д) инвалиды получали внутри системы общего образования требуемую поддержку для облегчения их эффективного обучения;

е) в обстановке, максимально способствующей освоению знаний и социальному развитию, сообразно с целью полной охваченности принимались эффективные меры по организации индивидуализированной поддержки.

3. Государства-участники наделяют инвалидов возможностью осваивать жизненные и социализационные навыки, чтобы облегчить их полное и равное участие в процессе образования и в качестве членов местного сообщества. Государства-участники принимают в этом направлении надлежащие меры, в том числе:

а) содействуют освоению азбуки Брайля, альтернативных шрифтов, усиливающих и альтернативных методов, способов и форматов общения, а также навыков ориентации и мобильности и способствуют поддержке со стороны сверстников и наставничеству;

б) содействуют освоению жестового языка и поощрению языковой самобытности глухих;

с) обеспечивают, чтобы обучение лиц, в частности детей, которые являются слепыми, глухими или слепоглухими, осуществлялось с помощью наиболее подходящих для индивида языков и методов и способов общения и в обстановке, которая максимальным образом способствует освоению знаний и социальному развитию.

4. Чтобы содействовать обеспечению реализации этого права, государства-участники принимают надлежащие меры для привлечения на работу учителей, в том числе учителей-инвалидов, владеющих жестовым языком и/или азбукой Брайля, и для обучения специалистов и персонала, работающих на всех уровнях системы образования. Такое обучение охватывает просвещение в вопросах инвалидности и использование подходящих усиливающих и альтернативных методов, способов и форматов общения, учебных методик и материалов для оказания поддержки инвалидам.

5. Государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды могли иметь доступ к общему высшему образованию, профессиональному обучению, образованию для взрослых и обучению в течение всей жизни без дискриминации и наравне с другими. С этой целью государства-участники обеспечивают, чтобы для инвалидов обеспечивалось разумное приспособление».

⁵² **Для сведения:** в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на образование.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28445/.

Для обеспечения равенства и недискриминации глухих детей в образовательных учреждениях им должна быть обеспечена среда обучения на жестовом языке с глухими сверстниками и глухими взрослыми в качестве ролевых моделей. Недостаточно хорошее владение жестовым языком преподавателями, работающими с глухими детьми, и отсутствие школ с доступными для глухих детей условиями лишают их возможностей для получения образования, что считается дискриминацией. Комитет напоминает что с целью повышения уровня доступности образовательной системы и содержания школьных программ необходимо поощрять и использовать при обучении жестовый язык, азбуку Брайля, альтернативные шрифты, а также усиливающие и альтернативные методы, способы и форматы общения и ориентации – согласно пункту 3 «а» статьи 24 Конвенции – с уделением особого внимания соответствующим языкам, а также методам и средствам связи, используемым слепыми, глухими и слепоглухонемыми учащимися. Он также обращает внимание, что глухим и слабослышащим учащимся должны быть предоставлены возможности для освоения жестового языка, при этом следует принимать меры по признанию и поощрению языковой самобытности глухих (пункт 7.3 Соображений от 24 марта 2022 года по делу «*M. Кёк против Австрии*»). Сообщение № 50/2018).

Комитет напоминает о том, что в статье 2 Конвенции «дискриминация по признаку инвалидности» определяется как любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области, и включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении. Он также указывает: выражение «наравне с другими», с одной стороны, означает, что прав или преимуществ лицам с инвалидностью предоставляется не больше и не меньше, чем населению в целом и, с другой стороны, оно требует, чтобы государства-участники принимали конкретные специфические меры для обеспечения фактического равенства лиц с инвалидностью с тем, чтобы они могли на деле пользоваться всеми правами человека и основными свободами. Комитет далее напоминает, что постепенная реализация, как того требует статья 4 (пункт 2) Конвенции, означает, что государства-участники приняли на себя конкретное и постоянное обязательство – как можно быстрее и эффективнее продвигаться к полной реализации статьи 24. Однако постепенная реализация не наносит ущерба тем обязательствам, которые являются непосредственно применимыми: на государствах-участниках лежит минимальное основное обязательство обеспечить осуществление каждого аспекта права на образование, хотя бы на минимальном уровне, включая право на недискриминацию во всех сферах образования и право на разумное приспособление для недопущения исключения лиц с инвалидностью из системы образования. Кроме того, Комитет напоминает, что равенство и недискриминация являются

краеугольным камнем международной защиты, гарантируемой Конвенцией, и не допускают постепенной реализации. Он подчеркивает: обязательство государств-участников в отношении постепенной реализации подразумевает принятие позитивных мер по уменьшению структурных недостатков и обеспечению временного преференциального обращения с лицами, имеющими какую-либо форму инвалидности, для достижений целей полного участия и равноправия в рамках общества всех лиц с теми или иными формами инвалидности (пункт 7.4 Соображений от 24 марта 2022 года по делу *«М. Кёк против Австрии»*). Сообщение № 50/2018).

В соответствии с пунктом 1 статьи 24 Конвенции о правах инвалидов государства-участники должны обеспечивать реализацию права инвалидов на образование посредством создания инклюзивной системы образования на всех уровнях, включая дошкольное, начальное, среднее и высшее образование, профессионально-техническую подготовку и обучение в течение всей жизни, внешкольные и социальные мероприятия и для всех учащихся, в том числе инвалидов, без дискриминации и наравне с другими». Комитет напоминает также, что «обеспечение инклюзивности предполагает процесс системных преобразований, включающих в себя изменение и корректировку содержания, методики, подходов, структур и стратегий в сфере образования в целях преодоления барьеров с тем, чтобы предоставить всем учащимся соответствующего возраста равные возможности получения образования на основе активного участия и создать условия, которые в наибольшей степени отвечают их потребностям и предпочтениям. Кроме того, Комитет отмечает: «право на недискриминацию включает в себя право не подвергаться сегрегации и право на то, чтобы быть обеспеченным разумным приспособлением, и оно должно пониматься в контексте обязанности обеспечивать доступную образовательную среду и разумное приспособление» (пункт 8.4 Соображений от 28 августа 2020 года по делу *«Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании»*). Сообщение № 41/2017).

Дело «*М. Кёк против Австрии*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 года. Сообщение № 50/2018⁵³. Комитет по правам инвалидов установил: автору сообщения, являвшейся глухой и владевшей австрийским жестовым языком, в ходе обучения в учебном заведении постоянно оказывали помощь два преподавателя, владевшие австрийским жестовым языком, и переводчики жестового языка, в том числе во время устных экзаменов, что ее учебная программа была адаптирована и она получала поддержку в обучении и коррекционное обучение, включая наглядные учебные материалы. Эти меры были согласованы с автором сообщения, ее родителями и соответствующими учреждениями и учитывали индивидуальные потребности автора. Комитет сделал вывод: государство-участник выполнило свои обязательства в отношении принятия конкретных мер посредством предоставления разумного приспособления для достижения фактического равенства автора с тем, чтобы она могла пользоваться всеми правами человека и основными свободами. Права автора, предусмотренные Конвенцией о правах инвалидов, нарушены не были.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: установлено, что автору сообщения постоянно оказывали помощь два преподавателя, владевшие австрийским жестовым языком, и переводчики жестового языка, в том числе во время устных экзаменов, ее учебная программа была адаптирована и она получала поддержку в обучении и коррекционное обучение, включая наглядные учебные материалы. Эти меры были согласованы с автором сообщения, ее родителями и соответствующими учреждениями и учитывали индивидуальные потребности автора. Кроме того, независимый эксперт по жестовому языку оказывал ей поддержку в процессе обучения, в период с 2012 по 2016 год она получала пособие на специальное образование в размере 11 270 евро, а ее семья получала семейное пособие. Комитет отметил, что благодаря этим мерам автор продвигалась в рамках школьной системы государства-участника, хотя ей пришлось повторить 2011/12 учебный год, она была вынуждена сменить школу. В свете всех обстоятельств Комитет пришел к выводу: учитывая характер и объем мер, принятых для адаптации автора, а также ее фактическое развитие и успехи в школах, эти меры не были

⁵³ Как усматривалось из текста Соображений, автор – глухая, и ее родной язык – австрийский жестовый язык. В начальной школе ее обучение было двуязычным – на немецком и австрийском жестовом языке. Однако начиная с 2007 года в средней школе, старшей средней школе и коммерческой школе, а также на специализированных курсах подготовки к экзаменам на аттестат зрелости ей обеспечивали только перевод с немецкого языка на австрийский жестовый язык и она училась по учебной программе для глухих учеников. Отсутствие двуязычного образования, с точки зрения автора сообщения, было неблагоприятно для нее, так как синхронный перевод являлся избирательным и, поэтому, передаваемая информация не всегда была полной. Это усугублялось отсутствием квалификации у некоторых переводчиков. Более того, она не могла систематически делать записи во время просмотра перевода на жестовый язык. Это сказалось на ее успеваемости по математике и немецкому языку (пункт 2.1 Соображений). Автор утверждала, что государство-участник подвергло ее дискриминации, поскольку вынудило ее обучаться на немецком языке и быть аттестованной, как если бы немецкий был ее родным языком, не разрешив преподавание на австрийском жестовом языке и не установив австрийский жестовый язык в качестве обязательного предмета (пункт 3.2 Соображений).

неуместными, несоответствующими или неэффективными. Таким образом, имеющаяся информация не позволила Комитету сделать вывод о том, что государство-участник не выполнило своего обязательства в отношении принятия конкретных мер посредством предоставления разумного приспособления для достижения фактического равенства автора с тем, чтобы она могла пользоваться всеми правами человека и основными свободами. Комитет счел: права автора, предусмотренные статьей 5, рассматриваемой в совокупности со статьями 21 «b» и «e», 24 и 30 (пункт 4) Конвенции, нарушены не были (пункт 7.5 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что государство-участник не учитывало ее наилучшие интересы, административные и судебные органы никогда не спрашивали о ее потребностях или мнениях. Он также учел замечание государства-участника, согласно которому меры, принятые в отношении автора, были согласованы с ней и ее родителями и учитывали ее индивидуальные потребности. Комитет отметил – автор не предоставила дополнительной информации, демонстрирующей, как на рассмотрение ее дела властями государства-участника повлияло предполагаемое пренебрежение ее интересами. С учетом вышеизложенного Комитет счел: государство-участник не нарушило права автора, предусмотренные статьей 5, рассматриваемой в совокупности со статьей 7 Конвенции (пункт 7.6 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты не свидетельствовали о нарушении статьи 5, рассматриваемой в совокупности со статьями 7, 21, 24 и 30 Конвенции (пункт 7.7 Соображений).

Дело *«Рубен Кальеха Лома и Алехандро Кальеха Лукас против Испании»*. Соображения Комитета по правам инвалидов от 28 августа 2020 года. Сообщение № 41/2017⁵⁴. Комитет по правам инвалидов

⁵⁴ Как усматривалось из текста Соображений, в сентябре 2009 года Р., которому на момент рассматриваемых событий исполнилось десять лет, начал обучение по программе обязательного начального образования в 4-м классе обычной государственной начальной школы, в которой он учился ранее в сопровождении технико-образовательного ассистента. До этого момента Р. хорошо интегрировался в школе как в отношениях с одноклассниками, так и с учителями. Однако с начала учебы в 4-м классе выделенный Р. тьютор Х. отнесся к нему неприязненно по причине его инвалидности, а именно – дискриминировал его, не уделял ему внимания и жестоко обращался с ним. Согласно свидетельским показаниям матерей двух одноклассников автора, данным 23 января 2012 года в Административном суде № 1 Леона, тьютор хватал Р. за шею, угрожая выбросить его из окна, а также ударить его стулом. Родителям Р. тьютор заявил, что тот «неконтактен и опасен», и им посоветовали перевести его в коррекционное образовательное учреждение. Кроме того, автор подвергся физическому насилию со стороны учительницы Y., которая дала ему несколько пощечин. Хотя родители Р. направили жалобу на эти действия в Управление образования провинции, проверки по ним проведено не было (пункт 2.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных*

отметил – в имеющихся материалах отсутствовала информация о том, что были обеспечены все возможные меры разумного приспособления, которые позволили бы автору сообщения учиться в обычном образовательном учреждении. Так, Комитет счел: административное решение о зачислении Р. в коррекционное образовательное учреждение, принятое без учета мнения его родителей, без проведения действительного, а не формального анализа возможности принятия мер разумного приспособления, которые и далее могли бы обеспечить его инклюзивное обучение в обычной системе образования, без учета заключения клинического психолога и информации технико-образовательного ассистента, а также без учета утверждений авторов о дискриминации и надругательствах, которым подвергся Р. в посещаемом им обычном образовательном учреждении, представляло собой нарушение его прав. Органы государства-участника не провели эффективного и тщательного расследования насилия со стороны преподавателей в отношении автора сообщения. Допущено нарушение положений Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: в связи с утверждениями о нарушении статьи 24 Конвенции о правах инвалидов Комитет отметил, что согласно мнению авторов, административное решение о зачислении Р. в коррекционное образовательное учреждение «Божья Матерь Святейшего Сердца Иисуса Христа», поддержанное судами государства-участника, нарушило его право на инклюзивное образование. Комитет принял к сведению заявления авторов о том, что это решение было вынесено на основании заключений, подготовленных отделом школьной ориентации по просьбам и в тесном сотрудничестве с тьюторами, которые являлись сотрудниками обычного образовательного учреждения, где он учился, – теми самыми сотрудниками, которые предположительно дискриминировали Р. и надругались над ним. Комитет отметил: по утверждениям авторов в представленных материалах отсутствовала информации о том, что органы государства-участника провели разумную оценку или углубленный и подробный анализ на предмет определения образовательных потребностей Р. и мер разумного приспособления, необходимых для того, чтобы он мог продолжать обучение в обычном образовательном учреждении. В этой связи Комитет указал на содержащееся в решении Административного суда № 1 Леона утверждение о том, что «приемлемое решение в различных ситуациях учебного процесса может быть найдено только в индивидуальном порядке и только учителями-специалистами, работающими с Р. в течение длительного времени». Кроме того, несмотря на то, что до того момента администрация обеспечивала сопровождение в целях инклюзивного обучения Р. в обычной школе, однако по мере изменений в обучаемости ребенка и его поведенческого развития настал момент, когда администрация более не могла обеспечить необходимые гарантии при помощи имеющихся в ее распоряжении средств, которые «имеются только в том объеме, в котором имеются». Комитет отметил также, что в начале 2010/11 учебного года Р. не сопровождала технико-

образовательный ассистент, поскольку тьютор не счел это необходимым, что такой ассистент была привлечена только по просьбе родителей Р. позднее и она заявила следующее – назначенный ребенку тьютор впоследствии «полностью самоустранился и перестал заниматься учебой Р.» (пункт 8.2 Соображений).

Комитет подчеркнул: судебные органы государства-участника, как представляется, не придали значения заключению клинического психолога Г.К., согласно мнению которого, причиной появления у Р. трудностей в обучении в обычной государственной школе стали отсутствие сопровождения в ходе учебного процесса и дискриминационное и враждебное отношение, с которыми столкнулся автор. Комитет отметил – в имеющихся материалах отсутствовала информация о том, что были обеспечены все возможные меры разумного приспособления, позволившие бы автору учиться в обычном образовательном учреждении (пункт 8.3 Соображений).

Комитет счел: административное решение о зачислении Р. в коррекционное образовательное учреждение, принятое без учета мнения его родителей, без проведения действительного, а не формального анализа возможности принятия мер разумного приспособления, которые и далее могли бы обеспечить его инклюзивное обучение в обычной системе образования, без учета заключения клинического психолога и информации технико-образовательного ассистента, а также без учета утверждений авторов о дискриминации и надругательствах, которым подвергся Р. в посещаемом им обычном образовательном учреждении, представляло собой нарушение его прав, предусмотренных в статье 24, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 8.8 Соображений).

Что касается статьи 23 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Конвенции, то Комитет принял к сведению утверждение авторов о том, что государство-участник нарушило их право на семейную жизнь, поскольку его органы ходатайствовали о привлечении родителей к ответственности за уклонение от выполнения семейных обязанностей вследствие того, что они не согласились отдать сына в коррекционное образовательное учреждение «Божья Матерь Святейшего Сердца Иисуса Христа». Комитет учел заявления авторов о том, что в случае удовлетворения данного ходатайства родители могли потерять родительские права на своего ребенка. Комитет принял к сведению также тот факт, что, согласно имеющейся в представленных материалах информации, 23 мая 2014 года суд применил в отношении каждого из родителей Р. меру пресечения в виде залога в размере 2400 евро до завершения судебного разбирательства и предупредил о наложении ареста на их имущество в случае невнесения залога. Комитет отметил: данная мера пресечения была отменена только спустя почти год, 20 апреля 2015 года, после признания родителей невиновными. Комитет счел – внесение такого залога стало для родителей Р. чрезмерным финансовым бременем, это усилило напряженность, порожденную обстоятельствами борьбы за права их ребенка на инклюзивное образование, и вне всякого сомнения,

негативно сказалось на благополучии каждого из них в отдельности и семьи в целом (пункт 8.9 Соображений)⁵⁵.

Комитет также принял к сведению утверждения авторов о том, что в 2009/10 и 2010/11 учебных годах Р. пострадал от действий, представляющих собой дискриминацию и надругательства, в обычной государственной начальной школе и, которые поставили под угрозу его личную целостность и умалили его достоинство в нарушение прав по статье 15, рассматриваемой в совокупности со статьей 17 Конвенции. В частности, Комитет отметил: а) согласно свидетельским показаниям матерей двух одноклассников Р., данным в Административном суде № 1 Леона, тьютор хватал автора за шею, угрожая выбросить его из окна, а также ударить его стулом; б) авторы утверждают, что Р. подвергся физическому насилию со стороны одной из учительниц, которая дала ему несколько пощечин (пункт 8.11 Соображений).

Комитет отметил, что в решении Высокого суда автономного сообщества Кастилия-и-Леон признается, что «действительно, сложившаяся в школе в последние годы ситуация не отвечала потребностям [автора], некоторые учителя не проявили ни малейшей готовности к сотрудничеству, иными словами, школа не приняла оперативных и надлежащих мер в связи с действиями учителей (если признать, хотя бы в умозрительных целях, серьезные обвинения, выдвинутые в адрес нескольких учителей [...]) и, возможно, даже можно говорить о ненормальной работе; однако именно таковы были обстоятельства в школе, в которой обучался и получал помощь ребенок» (пункт 8.12 Соображений).

Комитет принял к сведению также утверждение автора о том, что Прокуратура провинции Леон, в которую они дважды подавали жалобы на эти факты, приняла решение не предпринимать действий по жалобе. В частности, Комитет подчеркнул: во вторую жалобу в качестве нового обстоятельства авторы включили информацию из решения Высокого суда автономного сообщества Кастилия-и-Леон о заявлениях матерей одноклассников автора, которые дали свидетельские показания о надругательствах над автором, и заявление этого суда о том, что «возможно, даже можно говорить о ненормальной работе» школы. Комитет счел: исходя из имеющейся информации, органы государства-участника были обязаны провести эффективное и тщательное расследование этих утверждений, что однако не было сделано (пункт 8.13 Соображений).

⁵⁵ Комитет напомнил – в своем докладе о расследовании в отношении Испании, проведенном в соответствии со статьей 6 Факультативного протокола, он настоятельно призвал государство-участник «не допускать преследования в уголовном порядке родителей учащихся-инвалидов, требующих соблюдения права их детей на инклюзивное образование наравне с другими, по статье об уклонении от выполнения семейных обязанностей». Комитет заключил, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 23, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 8.10 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 7, 15, 17, 23 и 24 Конвенции, рассматриваемым отдельно и в совокупности со статьей 4 Конвенции.

Защита права лица с ограниченными возможностями на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 25 Конвенции)⁵⁶

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права на наивысший достижимый уровень здоровья⁵⁷

Комитет напоминает, что в связи с правом на здоровье в статье 25 Конвенции о правах инвалидов говорится, что «государства-участники признают, что инвалиды имеют право на наивысший достижимый уровень

⁵⁶ В силу статьи 25 Конвенции о правах инвалидов «Государства-участники признают, что инвалиды имеют право на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации по признаку инвалидности. Государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения доступа инвалидов к услугам в сфере здравоохранения, учитывающим гендерную специфику, в том числе к реабилитации по состоянию здоровья. В частности, государства-участники:

а) обеспечивают инвалидам тот же набор, качество и уровень бесплатных или недорогих услуг и программ по охране здоровья, что и другим лицам, в том числе в области сексуального и репродуктивного здоровья и по линии предлагаемых населению государственных программ здравоохранения;

б) предоставляют те услуги в сфере здравоохранения, которые необходимы инвалидам непосредственно по причине их инвалидности, включая раннюю диагностику, а в подходящих случаях - коррекцию и услуги, призванные свести к минимуму и предотвратить дальнейшее возникновение инвалидности, в том числе среди детей и пожилых;

с) организуют эти услуги в сфере здравоохранения как можно ближе к местам непосредственного проживания этих людей, в том числе в сельских районах;

д) требуют, чтобы специалисты здравоохранения предоставляли инвалидам услуги того же качества, что и другим лицам, в том числе на основе свободного и информированного согласия посредством, среди прочего, повышения осведомленности о правах человека, достоинстве, самостоятельности и нуждах инвалидов за счет обучения и принятия этических стандартов для государственного и частного здравоохранения;

е) запрещают дискриминацию в отношении инвалидов при предоставлении медицинского страхования и страхования жизни, если последнее разрешено национальным правом, и предусматривают, что оно предоставляется на справедливой и разумной основе;

ф) не допускают дискриминационного отказа в здравоохранении или услугах в этой области либо получении пищи или жидкостей по причине инвалидности».

⁵⁷ **Для сведения:** в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на охрану здоровья*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/27840/.

здоровья без дискриминации по признаку инвалидности. Государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения доступа инвалидов к услугам в сфере здравоохранения, учитывающим гендерную специфику, в том числе к реабилитации по состоянию здоровья» (пункт 8.6 Соображений от 19 апреля 2012 года по делу «Х.М. против Швеции». Сообщение № 3/2011).

Дело «Х.М. против Швеции». Соображения Комитета по правам инвалидов от 19 апреля 2012 года. Сообщение № 3/2011⁵⁸. С точки зрения Комитета по правам инвалидов, отклоняя ходатайство автора о разрешении на строительство бассейна на принадлежащем автору сообщения земельном участке, мотивируя это необходимостью реализации городского плана развития, государство-участник не рассмотрело особые обстоятельства ее положения и ее особые, связанные с инвалидностью потребности. Поэтому Комитет счел, что решения местных органов отказать в строительстве гидротерапевтического бассейна были несоразмерными и оказали дискриминационное воздействие, которое негативно сказалось на доступе автора сообщения (как инвалида) к медицинскому уходу и реабилитации, необходимым с учетом ее конкретного состояния здоровья. Допущены нарушения Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принято к сведению утверждение автора о дискриминации ввиду того, что при рассмотрении ее ходатайства о разрешении на строительство гидротерапевтического бассейна, который удовлетворял бы ее реабилитационные потребности, компетентные органы государства-участника не применили принцип соразмерности и не сопоставили ее потребность в использовании находящегося в ее собственности земельного участка для строительства гидротерапевтического бассейна с общей заинтересованностью в сохранении данной территории в строгом соответствии с планом развития города (пункт 8.2 Соображений).

Из представленной Комитету информации следовало, что состояние здоровья автора было критическим и доступ к гидротерапевтическому бассейну в домашних условиях имел важнейшее значение и являлся бы эффективным – в данном случае единственно эффективным – средством удовлетворения ее медицинских потребностей. Поэтому подходящие модификации и коррективы требовали отклонения от плана развития с тем, чтобы можно было построить гидротерапевтический бассейн. Комитет отметил, что государство-участник не сообщило, станет ли такое отклонение «несоразмерным или неоправданным

⁵⁸ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что решения административных органов, связанных с отказом в разрешении строительства на принадлежащем автору сообщения земельном участке бассейна, необходимого по медицинским показаниям, и судов государства-участника были для нее дискриминационными, поскольку в них не учитывались ее права на равные возможности для реабилитации и лечения. Так, ей было отказано в праве на достойное качество жизни. Отказы были основаны исключительно на заинтересованности общества в соблюдении плана развития и стали, скорее, вопросом принципа, который серьезно влиял на условия жизни отдельно взятого инвалида (пункт 3.1 Соображений).

бременем». В этой связи Комитет констатировал, что законодательство Швеции о планировании и строительстве позволяло отходить от плана развития города и что, следовательно, можно, когда это нужно в конкретном случае, ходатайствовать о разумном приспособлении для обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими и без какой бы то ни было дискриминации всех прав человека. Поэтому, исходя из представленной ему информации, Комитет не смог сделать вывод о том, что санкционирование отклонения от городского плана развития в случае с автором стало бы «несоразмерным и неоправданным бременем» для государства-участника (пункт 8.5 Соображений).

Комитет отметил, что, отклоняя ходатайство автора о разрешении на строительство, государство-участник не рассмотрело особые обстоятельства ее положения и ее особые, связанные с инвалидностью потребности. Поэтому Комитет счел: решения местных органов отказать в отклонении от плана развития города ради строительства гидротерапевтического бассейна были несоразмерными и оказали дискриминационное воздействие, которое негативно сказалось на доступе автора (как инвалида) к медицинскому уходу и реабилитации, необходимым с учетом ее конкретного состояния здоровья (пункт 8.8 Соображений).

Комитет принял к сведению заявление автора о том, что в отсутствие гидротерапевтического бассейна внутри дома ее, возможно, придется разместить в специальном медицинском учреждении и что государство-участник не опровергло утверждения автора. Отклонение ходатайства автора о разрешении на строительство лишило ее доступа к гидротерапии – единственному средству, которое могло бы поддерживать ее жизнь и включение в местное сообщество (пункт 8.9 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по пункту 1 статьи 5, пункту 3 статьи 5, пункту «b» статьи 19, статьям 25 и 26, рассматриваемым отдельно и в сочетании со статьей 4 Конвенции.

См. также вышеприведенное дело «*Мунир аль-Адам против Саудовской Аравии*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 20 сентября 2018 года. Сообщение № 38/2016.

Вопросы абилитации и реабилитации (статья 26 Конвенции⁵⁹)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения абилитации и реабилитации

Статья 26 Конвенции о правах инвалидов, где речь идет об абилитации и реабилитации, предусматривает, что «государства-участники принимают, в том числе при поддержке со стороны других инвалидов, эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы наделить инвалидов возможностью для достижения и сохранения максимальной независимости, полных физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни» посредством осуществления комплексных абилитационных и реабилитационных услуг и программ таким образом, чтобы эти услуги и программы «начинали реализовываться как можно раньше и были основаны на многопрофильной оценке нужд и сильных сторон индивида» (пункт 8.7 Соображений от 19 апреля 2012 года по делу «Х.М. против Швеции». Сообщение № 3/2011).

См. вышеприведенное дело «Х.М. против Швеции». Соображения Комитета по правам инвалидов от 19 апреля 2012 года. Сообщение № 3/2011.

⁵⁹ В силу статьи 26 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники принимают, в том числе при поддержке со стороны других инвалидов, эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы наделить инвалидов возможностью для достижения и сохранения максимальной независимости, полных физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни. С этой целью государства-участники организуют, укрепляют и расширяют комплексные абилитационные и реабилитационные услуги и программы, особенно в сфере здравоохранения, занятости, образования и социального обслуживания, таким образом, чтобы эти услуги и программы:

а) начинали реализовываться как можно раньше и были основаны на многопрофильной оценке нужд и сильных сторон индивида;

б) способствовали вовлечению и включению в местное сообщество и во все аспекты жизни общества, имели добровольный характер и были доступны для инвалидов как можно ближе к местам их непосредственного проживания, в том числе в сельских районах.

2. Государства-участники поощряют развитие начального и последующего обучения специалистов и персонала, работающих в сфере абилитационных и реабилитационных услуг.

3. Государства-участники поощряют наличие, знание и использование относящихся к абилитации и реабилитации ассистивных устройств и технологий, предназначенных для инвалидов».

Защита прав лиц с ограниченными возможностями в сфере трудовых правоотношений (статья 27 Конвенции⁶⁰)

⁶⁰ В силу статьи 27 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники признают право инвалидов на труд наравне с другими; оно включает право на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согласился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для инвалидов. Государства-участники обеспечивают и поощряют реализацию права на труд, в том числе теми лицами, которые получают инвалидность во время трудовой деятельности, путем принятия, в том числе в законодательном порядке, надлежащих мер, направленных, в частности, на следующее:

а) запрещение дискриминации по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда;

б) защиту прав инвалидов наравне с другими на справедливые и благоприятные условия труда, включая равные возможности и равное вознаграждение за труд равной ценности, безопасные и здоровые условия труда, включая защиту от домогательств, и удовлетворение жалоб;

с) обеспечение того, чтобы инвалиды могли осуществлять свои трудовые и профсоюзные права наравне с другими;

д) наделение инвалидов возможностью эффективного доступа к общим программам технической и профессиональной ориентации, службам трудоустройства и профессиональному и непрерывному обучению;

е) расширение на рынке труда возможностей для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказание помощи в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы;

ф) расширение возможностей для индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства, развития кооперативов и организации собственного дела;

г) наем инвалидов в государственном секторе;

h) стимулирование найма инвалидов в частном секторе с помощью надлежащих стратегий и мер, которые могут включать программы позитивных действий, стимулы и другие меры;

i) обеспечение инвалидам разумного приспособления рабочего места;

j) поощрение приобретения инвалидами опыта работы в условиях открытого рынка труда;

к) поощрение программ профессиональной и квалификационной реабилитации, сохранения рабочих мест и возвращения на работу для инвалидов.

2. Государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды не содержались в рабстве или в подневольном состоянии и были защищены наравне с другими от принудительного или обязательного труда».

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам защиты прав в сфере трудовых правоотношений⁶¹

В соответствии со статьей 27 Конвенции о правах инвалидов государства-участники несут ответственность за запрещение дискриминации по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда; расширение на рынке труда возможностей для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также за оказание помощи в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы; наем инвалидов в государственном секторе; и за обеспечение инвалидам разумного приспособления на рабочем месте. Согласно статье 2 Конвенции «разумное приспособление» означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и корректив, которые не становятся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения того, чтобы инвалиды наравне с другими могли пользоваться всеми правами человека и основными свободами и осуществлять их (пункт 8.4 Соображений от 21 августа 2020 года по делу *«Ричард Сахлин против Швеции»*. Сообщение № 60/2019).

Подпункт «а» пункта 1 статьи 4 Конвенции о правах инвалидов налагает на государства-участников общее обязательство принимать все надлежащие законодательные, административные и иные меры для осуществления прав, признаваемых в Конвенции, включая права, связанные с трудом и занятостью. Комитет напоминает также, что пункт 1 статьи 27 Конвенции требует от государств-участников признавать право инвалидов на сохранение работы наравне с другими, принимать все надлежащие меры, включая законодательные, для запрещения дискриминации по признаку инвалидности при продолжении трудовой деятельности и обеспечивать разумное приспособление для лиц, получивших инвалидность во время нее. Как было отмечено в его Замечании общего порядка № 6 (2018 год) о равенстве и недискриминации, для достижения фактического равенства по смыслу Конвенции государства-участники должны гарантировать отсутствие дискриминации по признаку инвалидности в сфере труда и занятости. При этом Комитет ссылается на соответствующие конвенции, принятые Международной организацией труда (МОТ), например, на Конвенцию относительно дискриминации в области труда и занятий (№ 111) от 25 июня 1958 года и Конвенцию о профессиональной реабилитации и занятости инвалидов (№ 159)

⁶¹ **Для сведения:** в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на труд и на социальное обеспечение*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27902/.

от 20 июня 1983 года, подписанные и ратифицированные Испанией. Статья 7 Конвенции МОТ № 159 предусматривает, что компетентные органы государств-участников принимают меры с целью организации и оценки служб профессиональной ориентации, профессионального обучения и трудоустройства, чтобы инвалиды имели возможность сохранять работу (пункт 9.4 Соображений от 21 августа 2020 года по делу «Х.М. против Испании»). Сообщение № 37/2016).

Поиск возможностей разумного приспособления должен представлять собой процесс сотрудничества и взаимодействия работника и работодателя, направленный на то, чтобы найти наилучшее решение, отвечающее потребностям каждого из них. В целях обеспечения надлежащего понимания концепции разумного приспособления Комитет пользуется информацией законодательных органов нескольких национальных юрисдикций, а также применяет результаты научных исследований. Для вынесения решения о том, какие меры разумного приспособления следует принять, государству-участнику необходимо обеспечить, чтобы государственные органы власти определили, какие изменения могут быть внесены на практике для того, чтобы работник мог выполнять свои основные функции. В тех случаях, когда такие изменения (не создающие чрезмерного бремени) не могут быть определены и осуществлены на практике, то в качестве крайней меры разумного приспособления следует рассматривать перевод сотрудника на другую работу. В этой связи власти государства-участника несут ответственность за принятие всех необходимых мер разумного приспособления для адаптации существующих должностей к конкретным потребностям того или иного сотрудника (пункт 9.7 Соображений от 21 августа 2020 года по делу «Х.М. против Испании»). Сообщение № 37/2016).

Дело «*Ричард Сахлин против Швеции*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 21 августа 2020 года. Сообщение № 60/2019⁶². Решения и

⁶² Как усматривалось из текста Соображений, весной 2015 года в Сёдертёрнском университете, который являлся государственным учреждением, был объявлен конкурс на замещение постоянной должности лектора (доцента) кафедры публичного права. Ранее автору приходилось временно работать в Сёдертёрнском университете, руководству которого известна его потребность в сурдопереводе. Конкурсная комиссия сочла его самым квалифицированным кандидатом на эту должность и в качестве одного из этапов процедуры трудоустройства ему была предоставлена возможность провести пробную лекцию. Несмотря на уровень его квалификации, 17 мая 2016 года университет прекратил процесс заполнения вакансии, заявив, что оплата сурдоперевода будет слишком затратной мерой для гарантирования права автора на трудоустройство на основе равенства с другими кандидатами. Сумма расходов на необходимый сурдоперевод оценивалась в 520 000 шведских крон (55 341 долл. США) в год. Ежегодный бюджет университета на кадровые нужды превышал полмиллиарда шведских крон, и в 2016 году бюджетный профицит составил 187 млн. шведских крон (20 млн долл. США). Дальнейший анализ альтернативных форм адаптации рабочего места или разумного приспособления, включая адаптацию служебных функций, не требующих сурдоперевода, например мероприятия по

действия органов государства-участника уменьшили возможность отбора лиц с ограниченными возможностями на должности, требующие приспособления рабочей среды к их потребностям (требовалось наличие сурдопереводчика). В частности, Комитет считал, что проведенная Судом по трудовым спорам Королевства Швеция оценка запрошенных мер по содействию и адаптации способствовала отказу в обеспечении разумного приспособления, что фактически привело к дискриминационному отстранению автора от трудоустройства на должность лектора, на которую он претендовал, в нарушение Конвенции о правах инвалидов. Допущены нарушения Конвенции.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: отмечено, что в дело были вовлечены различные государственные органы, каждый из которых действовал в соответствии со своими полномочиями и обязанностями: государственный университет, который объявил о наличии вакансии, а затем прекратил процесс ее заполнения; омбудсмен по вопросам равенства, который по просьбе автора представлял его интересы в компетентных национальных судах; Апелляционный совет по вопросам высшего образования; Суд по трудовым спорам; Административный суд и Апелляционный административный суд. В отношении университета Комитет считал: тот факт, что он не проинформировал автора о недостаточности мер государственного финансирования для покрытия расходов на приспособления, необходимые автору для работы в должности, на которую он претендовал, стал препятствием для проведения консультаций и рассмотрения альтернативных адаптационных мер. Иными словами, по мнению Комитета, возможность проведения диалога с целью оценки и укрепления потенциала автора для постоянной работы на должности доцента была сведена на нет, поскольку процесс заполнения вакансии был прекращен до проведения какой-либо консультации и анализа альтернативных адаптационных мер (пункт 8.7 Соображений).

Отсутствие диалога, по мнению Комитета по правам инвалидов, повлияло на проведение судебного разбирательства, в ходе которого органы власти сосредоточили свое внимание на изучении фактора стоимости сурдоперевода, не рассматривая при этом возможность принятия других адаптационных мер. Суд по трудовым спорам проанализировал: стоимость услуг сурдоперевода в соотношении со способностью работодателя оплачивать их; воздействие принятых мер на способность автора к выполнению функций на упомянутой должности; продолжительность срока занятости; воздействие мер, принятых в интересах автора, на других инвалидов; и ряд мер государственного финансирования, которыми могли бы воспользоваться работодатель и

контролю за студентами и проведению экзаменов и инструктированию через сеть «Интернет», ни на одном из этапов процесса трудоустройства администрацией университета не проводился (пункт 2.2 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 9 (2021)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/30431/.

работник. Рассмотрев эти аспекты, Суд по трудовым спорам пришел к выводу, что эти адаптационные меры были бы слишком дорогостоящими (пункт 8.8 Соображений).

Комитет установил, что автор неоднократно намеревался предложить альтернативные адаптационные меры университету и омбудсмену по вопросам равенства в надежде, что данный специализированный государственный орган будет ставить этот вопрос в судах. В этом контексте Комитет принял к сведению заявление государства-участника о том, что в случае автора для содействия его трудоустройству были предусмотрены значительные меры по финансированию в форме поддержки посредством ежедневного обеспечения сурдоперевода и ежегодной субсидии для выплаты заработной платы. Комитет также подчеркнул – по мнению государства-участника, хотя в постановлении Суда по трудовым спорам речь шла только о вышеупомянутых мерах государственного финансирования, это не означало отсутствия других мер финансового обеспечения. Однако тот факт, что омбудсмен по вопросам равенства не поставил этот вопрос, лишил Суд возможности рассматривать другие меры по финансированию. Делая такое заявление, государство-участник признало ответственность государственных органов за надлежащее информирование сторон разбирательства о том финансировании, которое могло быть предоставлено для содействия трудоустройству автора. Комитет не выразил мнения относительно итогов надлежащего анализа альтернативных адаптационных мер и «других мер финансового обеспечения». Однако он счел – участвовавшие органы власти не приняли всех возможных мер для содействия реализации права инвалидов на труд (пункт 8.9 Соображений).

Выводы Комитета: решения и действия органов государства-участника ограничили возможность отбора инвалидов для трудоустройства на должности, требующие приспособления рабочей среды к их потребностям. В частности, Комитет счел, что проведенная Судом по трудовым спорам оценка запрошенных мер по содействию и адаптации способствовала отказу в обеспечении разумного приспособления, что привело к дискриминационному отстранению автора от трудоустройства на должность, на которую он претендовал, в нарушение его прав по статьям 5 и 27 Конвенции.

Дело «*X.M. против Испании*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 21 августа 2020 года. Сообщение № 37/2016⁶³. Принудительный

⁶³ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что были нарушены его права, предусмотренные пунктом 1 статьи 27, рассматриваемыми отдельно и в совокупности со статьями 3, 5 и 13 Конвенции о правах инвалидов, поскольку государство-участник на основании отсутствия нормативно-правового регулирования на местном уровне подвергло его дискриминации, не предоставив ему возможности сохранить активную занятость путем перевода на другую работу в силу наличия у автора стойкой полной утраты способности к выполнению его обычной профессиональной деятельности (пункт 3.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных*

выход автора в отставку из-за травм, которые привели к постоянной инвалидности и полученных автором сообщения вследствие дорожно-транспортного происшествия, по мнению Комитета по правам инвалидов, представлял собой нарушение Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: что касается утверждений автора относительно пункта 1 статьи 27, рассматриваемым отдельно и в совокупности со статьями 3, 4 и 5 Конвенции о правах инвалидов, то вопрос, стоявший перед Комитетом, заключался в том, нарушило ли государство-участник права автора, не применив на практике Закон № 16/1991 из-за отсутствия разработанных локальных нормативно-правовых актов, предусмотренных упомянутым законом (в статьях 43 и 44), который устанавливает возможность перевода местных полицейских на другую работу, а применив Основное положение о государственных служащих Королевства Испания, согласно которому в случае увольнения со службы в результате признания стойкой полной утраты сотрудником местной полиции способности к выполнению обычных функций этот сотрудник не может быть переведен на другую работу (пункт 9.2 Соображений).

Комитет принял к сведению аргументы автора сообщения по статьям 5 и 27 Конвенции о том, что он подвергся прямой дискриминации по признаку инвалидности, когда пытался остаться на работе в качестве сотрудника местной полиции, поскольку он был вынужден выйти в отставку после признания у него стойкой полной утраты профессиональной трудоспособности. Это, в свою очередь, лишило его возможности просить о переводе на другую работу в силу отсутствия в муниципалитете Фигераса местного законодательства о переводе на другую работу, предусмотренного Законом № 16/1991. Автор утверждал – такое заключение или такая административная оценка его инвалидности, проведенная Национальным институтом социального обеспечения, не учитывала его способности заниматься альтернативной или иной вспомогательной деятельностью (как предусмотрено в статье 43 Закона № 16/1991 о сотрудниках местной полиции от 10 июля 1991 года, которая предписывает проведение конкретной «медицинской экспертизы» для выявления возможностей перевода соответствующего лица на другую работу). Автор отметил также существование другого законодательства автономного сообщества, которое прямо допускает возможность перевода на другую работу в случае признания стойкой полной утраты трудоспособности, нормативных положений Женералитета Каталонии, регулирующих порядок перевода на другую работу сотрудников пожарной службы и допускающих такую возможность, а также административных постановлений Национального института социального обеспечения и других судебных решений (в них предусматривается

возможность одновременного получения пенсии в связи со стойкой полной утратой профессиональной трудоспособности и перевода на другую работу). Комитет учел аргумент государства-участника: муниципальный регламент о порядке перевода сотрудников городской полиции Фигераса на другую работу, опубликованный 26 марта 2015 года, противоречил бы интересам автора, поскольку он зафиксировал стойкую полную утрату профессиональной трудоспособности, несовместимую с переводом на другую работу (пункт 9.3 Соображений).

Комитет отметил также, что государство-участник приняло Общий закон о правах инвалидов и их социальной интеграции в целях приведения своего законодательства в соответствие со стандартами Конвенции. Согласно этому закону органы государственной власти должны принимать антидискриминационные и позитивные меры, чтобы гарантировать инвалидам право на равные возможности (пункт 1 статьи 64). Среди таких антидискриминационных мер Комитет указал программы использования сотрудников, которые позволяют органам государственной власти переводить на другую работу сотрудников государственных органов, получивших инвалидность, в том числе за счет обеспечения разумного приспособления. Хотя последнее и является обязательством *ex nunc*, то есть возникает тогда, когда у инвалида появляется такая потребность, но государства-участники должны принимать все превентивные меры, позволяющие органам государственной власти использовать своих сотрудников так, чтобы права инвалидов осуществлялись наилучшим образом. В этом смысле при оценке актуальности, пригодности и эффективности разумного приспособления необходимо учитывать финансовые издержки, имеющиеся ресурсы, масштабы учреждения, предоставляющего разумное приспособление (в полной мере), последствия изменений для этого учреждения и весь объем его активов, а не только ресурсы какого-либо одного его структурного подразделения. Комитет отметил, что в данном случае возможность диалога, направленного на оценку и укрепление потенциала автора в рядах сотрудников полиции, была полностью исключена, поскольку он был уволен с государственной службы и вынужден выйти в отставку и у него не было возможности просить о разумном приспособлении для перевода на другую работу. Государство-участник не представило информации, позволившую сделать вывод об отсутствии других функций, которые мог бы выполнять автор в органе полиции, где он служил (пункт 9.6 Соображений).

Комитет подчеркнул, что возможность инициировать процесс оценки барьеров, препятствовавших тому, чтобы автор остался в органах полиции, была исключена, поскольку автор был лишен статуса государственного служащего в момент его принудительного выхода в отставку и у него не было возможности просить о разумном приспособлении, которое позволило бы ему выполнять иные функции. Комитет отметил также: государство-участник не продемонстрировало, что в органах полиции, где служил автор, не было других функций, которые он мог бы выполнять (пункт 9.8 Соображений).

Комитет счел: перевод на другую работу, по-разному регулируемый испанским законодательством, представлял собой институциональную конструкцию, призванную объединить обязательства, вытекающие для государства-участника из права на труд (непрерывность занятости) и права на равенство и недискриминацию. Комитет отметил – в соответствии со статьей 43 Общего закона № 16/1991 все, кто «частично утрачивает трудоспособность», могут быть переведены на другую работу. Комитет указал, что отсутствие разработанного Городским советом Фигераса местного регламента, предусмотренного Законом № 16/1991, и применение Закона № 7/2007 об Основном положении о государственных служащих о порядке перевода на другую работу не позволили автору ходатайствовать о получении перевода на другую работу, как это предусмотрено в указанном законе. Кроме того, Комитет подчеркнул, что в случае автора в административных заключениях о нетрудоспособности, сделанных Национальным институтом социального обеспечения, не учитывались потенциальные возможности автора в плане осуществления альтернативной или иной вспомогательной деятельности. Комитет отметил также – статья 43 Общего закона № 16/1991 предписывала проведение специальной медицинской экспертизы для оценки альтернативного потенциала инвалидов. Этого в случае автора сделано не было. В этой связи Комитет отметил, что факт частичной утраты автором возможности выполнять обычные функции сотрудника полиции не исключал возможности выполнения им альтернативных или иных вспомогательных функций в том же органе полиции (пункт 9.9 Соображений).

Комитет счел, что отсутствие местного законодательства о переводе на другую работу не позволило гарантировать осуществление прав автора, закрепленных в Конвенции, в частности, возможность конкретной оценки его инвалидности в целях использования его возможностей для перевода на другую работу или поручения ему иных вспомогательных функций. Отсутствие местного регламента не позволило переводить лиц, у которых констатирована стойкая полная утрата трудоспособности, на другую работу, что, в свою очередь, затрагивало их право на труд, как это имело место в случае автора (пункт 9.10 Соображений).

Примененные в данном случае нормы законодательства, не позволившие заявителю получить перевод на другую работу или принять участие в диалоге в целях получения доступа к деятельности, дополняющей обычные задачи сотрудников полиции, противоречили правам, предусмотренным в статьях 5 и 27 Конвенции. Автор подвергся дискриминации по признаку инвалидности в плане непрерывности занятости на государственной службе в нарушение статьи 5 (гарантирует право инвалидов на равенство и недискриминацию) и статьи 27 (защищает их право на труд и занятость). Что касается статьи 5 Конвенции, то Комитет решил: в данном случае явно имела место одна из форм дискриминации, запрещенных Конвенцией, независимо от того, рассматривается ли она как прямая дискриминация или как отказ в разумном приспособлении. Кроме того, что

касается статьи 27 Конвенции, то Комитет указал – дискриминация в отношении непрерывности занятости была обусловлена отказом в установлении какого-либо диалога или в проведении оценки альтернативных функциональных возможностей лиц, которые, как и автор, получили заключение о стойкой полной утрате профессиональной трудоспособности. Хотя государство-участник преследовало законную цель закрепить на институциональном уровне порядок перехода государственных служащих или должностных лиц к альтернативному виду деятельности, однако закон, примененный в деле автора по причине отсутствия Регламента о порядке перевода сотрудников городской полиции муниципалитета Фигераса на другую работу, нарушил его права, предусмотренные статьями 5 и 27 Конвенции (пункт 9.11 Соображений).

Выводы Комитета: принудительный выход автора в отставку вследствие дорожно-транспортного происшествия, в котором он получил травмы, приведшие к постоянной инвалидности, представлял собой нарушение статьи 27, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 3, 4 и 5 Конвенции.

Дело «*Мария-Луиза Юнгелин против Швеции*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 2 октября 2014 года. Сообщение № 5/2011⁶⁴. По мнению Комитета по правам инвалидов, Суд по трудовым спорам Королевства Швеция тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Агентством социального страхования, прежде чем прийти к выводу о том, что меры поддержки и адаптации, рекомендованные омбудсменом, будут представлять собой неоправданное бремя для Агентства социального страхования. Комитет счел, что автор сообщения не представила каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. Не было допущено нарушения Конвенции.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: вопрос заключал в том, является ли постановление Суда по трудовым спорам Королевства

⁶⁴ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что она подверглась дискриминации при устройстве на работу в Агентство социального страхования, когда оно отклонило ее заявление вместо того, чтобы должным образом рассмотреть возможность принятия некоторых мер поддержки и адаптации. Если бы Агентство социального страхования адаптировало свою компьютерную систему для пользователей, нуждающихся в чтении с экрана и дисплея с использованием системы Брайля, автор могла бы выполнять большинство задач, связанных с вакантной должностью. Кроме того, являясь основным государственным учреждением государства-участника, ответственным за осуществление национальной политики в отношении инвалидов, предполагалось, что Агентство примет меры в соответствии с обязательствами, закрепленными в Конвенции (пункт 3.2 Соображений).

Информация об этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4(2015)*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 года.

Швеция от 2010 года⁶⁵ нарушением прав автора в соответствии со статьями 5 и 27 Конвенции. В связи с этим Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что решение Суда по трудовым спорам является дискриминационным, поскольку в нем не была дана надлежащая оценка возможности Агентства социального страхования принять меры поддержки и адаптации своих внутренних компьютерных систем с учетом ее нарушений зрения с тем, чтобы она могла выполнять профессиональные обязанности, связанные с должностью сотрудника по оценке/изучению документов, на которую она подала заявление; и в нем не был принят во внимание тот факт, что адаптация компьютерной программы Агентства социального страхования была бы полезна в будущем для любых возможных сотрудников с нарушениями зрения (пункт 10.3 Соображений).

По мнению Комитета, Суд по трудовым спорам тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Агентством социального страхования, прежде чем прийти к выводу о том, что меры поддержки и адаптации, рекомендованные омбудсменом, будут представлять собой неоправданное бремя для Агентства социального страхования. Кроме того, Комитет счел, что автор не представила каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. В этих обстоятельствах Комитет не может сделать вывод о том, что на момент вынесения Судом по трудовым спорам своего постановления принятое решение не было основано на объективных и разумных соображениях.

Вывод Комитета: не было допущено нарушения Конвенции.

⁶⁵ «17 февраля 2010 года Суд по трудовым спорам отклонил ходатайство Омбудсмана. Он пришел к заключению, что степень пригодности автора для заполнения вакантной должности должна определяться с учетом всех функций, которые работник должен выполнять на данной должности, то есть она должна быть в состоянии обрабатывать пособия по болезни и компенсации в связи с болезнью в СОВ [«система отслеживания вопросов»], а также работать с СОВ и вспомогательными системами таким образом, чтобы быть в состоянии осуществлять оценку и считывание информации в компьютеризированных системах, переключаться между программами и активно использовать их в качестве рабочих инструментов. Эти функции предполагают также работу с рукописными текстами — задачу, которая, несмотря на сокращение количества составленных от руки документов, не может считаться второстепенной на должности сотрудника по изучению и анализу документации. Суд провел оценку различных мер поддержки и адаптации, предложенных Омбудсменом, и в свете мнений свидетелей и экспертов, представленных обеими сторонами, постановил, что ее результаты свидетельствуют о нецелесообразности мер поддержки и адаптации, которые Агентству социального страхования необходимо было бы принять, с тем чтобы организовать для автора такие же рабочие условия, как и для работника без нарушения зрения. Таким образом, автор не обладает необходимой степенью пригодности для должности сотрудника по изучению/оценке документации. Кроме того, Суд потребовал возмещения Омбудсменом Агентству социального страхования судебных издержек» (пункт 2.8 Соображений).

Участие лица с ограниченными возможностями в политической и общественной жизни в аспекте реализации права лица избирать и быть избранным (статья 29 Конвенции⁶⁶)

специальные правовые позиции Комитета по правам инвалидов по вопросам обеспечения права лица избирать и быть избранным⁶⁷

В соответствии с пунктом 2 статьи 12 Конвенции о правах инвалидов, государства-участники обязаны признавать, что инвалиды обладают правоспособностью «наравне с другими во всех аспектах жизни», в том числе в политической жизни, которая включает в себя право голосовать. Согласно пункту 3 статьи 12 Конвенции государства-участники несут позитивную обязанность принимать необходимые меры для обеспечения инвалидам фактической реализации своей правоспособности (пункт 9.5 Соображений

⁶⁶ В силу статьи 29 Конвенции о правах инвалидов «Государства-участники гарантируют инвалидам политические права и возможность пользоваться ими наравне с другими и обязуются:

а) обеспечивать, чтобы инвалиды могли эффективно и всесторонне участвовать, прямо или через свободно выбранных представителей, в политической и общественной жизни наравне с другими, в том числе имели право и возможность голосовать и быть избранными, в частности посредством:

i) обеспечения того, чтобы процедуры, помещения и материалы для голосования были подходящими, доступными и легкими для понимания и использования;

ii) защиты права инвалидов на участие в тайном голосовании на выборах и публичных референдумах без запугивания и на выдвижение своих кандидатур для выборов, на фактическое занятие должностей и выполнение всех публичных функций на всех уровнях государственной власти - при содействии использованию ассистивных и новых технологий, где это уместно;

iii) гарантирования свободного волеизъявления инвалидов как избирателей и с этой целью - удовлетворения, когда это необходимо, их просьб об оказании им каким-либо лицом по их выбору помощи с голосованием;

б) активно способствовать созданию обстановки, в которой инвалиды могли бы эффективно и всесторонне участвовать в управлении государственными делами без дискриминации и наравне с другими, и поощрять их участие в государственных делах, включая:

i) участие в неправительственных организациях и объединениях, работа которых связана с государственной и политической жизнью страны, в том числе в деятельности политических партий и руководстве ими;

ii) создание организаций инвалидов и вступление в них с тем, чтобы представлять инвалидов на международном, национальном, региональном и местном уровнях.»

⁶⁷ **Для сведения:** в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов в сфере защиты права лица избирать и быть избранным в законодательные органы государства*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/26529/.

Комитета по правам инвалидов от 9 сентября 2013 года по делу «*Жольт Булдошё, Яношне Ильдико Маркуш, Виктория Мартон, Шандор Месарош, Гергели Полк и Янош Сабо против Венгрии*». Сообщение № 4/2011).

Статья 29 Конвенции о правах инвалидов требует от государств-участников обеспечивать, чтобы инвалиды могли эффективно и всесторонне участвовать в политической и общественной жизни наравне с другими, в том числе гарантировать их право голосовать. Комитет также отмечает, что в соответствии со статьей 29 Конвенции государству-участнику необходимо адаптировать свои процедуры голосования посредством обеспечения того, чтобы они были подходящими, доступными и легкими для понимания и использования. Относительно доступности процедур голосования Комитет напоминает, что понятие «*доступность*» касается групп, в то время как понятие «*разумное приспособление*» касается отдельных лиц. Это означает, что обязанность предоставлять доступность является обязанностью *ex ante*.⁶⁸ Государства-участники, таким образом, обязаны предоставлять доступ до получения индивидуальных запросов на вход в какое-либо место или использование какой-либо услуги (пункт 8.5 Соображений Комитета по правам инвалидов от 16 февраля 2018 года по делу «*Фиона Гивен против Австралии*». Сообщение № 19/2014).

Статья 29 Конвенции требует от государств-участников обеспечивать, чтобы инвалиды могли эффективно и всесторонне участвовать в политической и общественной жизни наравне с другими, в том числе обеспечивать их право голосовать. Статья 29 не предусматривает никаких разумных ограничений или исключения какой-либо группы инвалидов. По этой причине лишение права голосовать на основе предполагаемого или фактического психосоциального или умственного расстройства, включая ограничение в результате индивидуальной оценки, представляет собой дискриминацию по признаку инвалидности по смыслу статьи 2 Конвенции. Комитет ссылается на свои заключительные замечания по Тунису, в которых он рекомендовал «*незамедлительно принять законодательные меры для обеспечения инвалидам, включая находящихся в настоящее время под опекой или попечительством лиц, возможности осуществлять свое право голосовать и участвовать в общественной жизни на равной основе с другими*» (курсив добавлен). Комитет далее ссылается на свои Заключительные замечания по Испании, в которых он выразил аналогичную обеспокоенность по поводу того факта, что право голосовать лиц, страдающих умственными или психосоциальными расстройствами, может ограничиваться в случае лишения этого лица правоспособности или помещения его в лечебное учреждение закрытого типа (пункт 9.4 Соображений Комитета по правам инвалидов от 9 сентября 2013 года по делу «*Жольт Булдошё, Яношне Ильдико Маркуш, Виктория Мартон, Шандор Месарош, Гергели Полк и Янош Сабо против Венгрии*». Сообщение № 4/2011).

⁶⁸ Заранее.

Комитет напоминает, что согласно статье 29 Конвенции государство-участник должно изменять свои процедуры с тем, чтобы они были «подходящими, доступными и легкими для понимания и использования», и, когда это необходимо, оказывать инвалидам по их просьбе помощь при голосовании. Именно таким образом государство-участник обеспечит лиц, страдающих умственной отсталостью, возможностью компетентно проголосовать наравне с другими в условиях сохранения тайны голосования (пункт 9.6 Соображений Комитета по правам инвалидов от 9 сентября 2013 года по делу *«Жольт Булдошё, Яношне Ильдико Маркуш, Виктория Мартон, Шандор Месарош, Гегели Полк и Янош Сабо против Венгрии»*. Сообщение № 4/2011).

Дело *«Фиона Гивен против Австралии»*. Соображения Комитета по правам инвалидов от 16 февраля 2018 года. Сообщение № 19/2014⁶⁹. Автор сообщения страдала церебральным параличом. Во время выборов автор хотела воспользоваться своим правом на участие в тайном голосовании наравне с другими избирателями. Вместе с тем в связи с ограниченными двигательными возможностями она не могла заполнить бюллетень, сложить его и поместить в избирательную урну без посторонней помощи, что нарушило бы тайну ее голосования. Автор утверждала: для того, чтобы иметь возможность участвовать в независимом тайном голосовании, ей должен был быть предоставлен доступ к электронной системе голосования, например, к специальному интерфейсу на компьютере. Комитет по правам инвалидов установил: ни один из вариантов, имевшихся в распоряжении автора сообщения во время федеральных выборов 2013 года, не позволил ей осуществить свое право голоса так, как она хотела бы, в частности без необходимости сообщить о своем политическом выборе лицу, сопровождавшему ее. С точки

⁶⁹ Как усматривалось из текста Соображений, автор сообщения страдала церебральным параличом и, как следствие, плохо контролировала свои мышцы, имеет ограниченные двигательные возможности и не может говорить. Она передвигалась на электрической инвалидной коляске, а для общения пользовалась электронным голосообразующим аппаратом. Во время выборов автор хотела воспользоваться своим правом на участие в тайном голосовании наравне с другими избирателями. Вместе с тем в связи с ограниченными двигательными возможностями она не могла заполнить бюллетень, сложить его и поместить в избирательную урну без посторонней помощи, что нарушило бы тайну ее голосования. Автор утверждала, что для того, чтобы иметь возможность участвовать в независимом тайном голосовании, ей должен был быть предоставлен доступ к электронной системе голосования, например, к специальному интерфейсу на компьютере. Она отметила, что регулярно использовала адаптивные технологии, благодаря которым она могла пользоваться клавиатурой и экраном компьютера без посторонней помощи. Перед днем голосования автор изучила документы Избирательной комиссии о доступных вариантах голосования и пришла к выводу, что в соответствии с Законом о выборах вспомогательная система электронного голосования доступна только для лиц, зарегистрированных как имеющие «нарушения зрения».

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3(2019)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/28228/.

зрения Комитета, государство-участник не выполнило свои обязательства по Конвенции о правах инвалидов.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принят к сведению аргумент государства-участника о том, что у автора была возможность выбрать лицо для оказания ей помощи в голосовании. Вместе с тем он также отметил, что ни один из вариантов, имевшихся в распоряжении автора сообщения во время федеральных выборов 2013 года, не позволил бы ей осуществить свое право голоса так, как она хотела бы, в частности, без необходимости сообщить о своем политическом выборе лицу, сопровождавшему ее. Комитет обратил внимание: получение доступа к электронной системе голосования позволило бы автору принять участие в независимом тайном голосовании без раскрытия своего политического выбора кому-либо и наравне с другими (пункт 8.7 Соображений).

Комитет напомнил о том, что процедура электронного голосования широко применяется для лиц с нарушениями зрения в государстве-участнике и что процедура электронного голосования «iVote» применяется в ходе выборов в штате Новый Южный Уэльс с 2011 года. Он отметил, что государство-участник не представило какой-либо информации, которая могла бы оправдать утверждение о том, что использование такой процедуры электронного голосования представляло бы собой несоразмерное бремя, что препятствовало его применению в ходе федеральных выборов 2013 года для автора и для всех лиц, нуждающихся в таком приспособлении (пункт 8.9 Соображений).

Вывод Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 29, рассматриваемым отдельно и в совокупности со статьями 4, 5 и 9 Конвенции о правах инвалидов (пункт 9 Соображений).

Дело «Жольт Булдошё, Яношне Ильдико Маркуш, Виктория Мартон, Шандор Месарош, Гергели Полк и Янош Сабо против Венгрии». Соображения Комитета по правам инвалидов от 9 сентября 2013 года. Сообщение № 4/2011⁷⁰. Лишая авторов права голосовать на основе предполагаемой или

⁷⁰ Как усматривалось из текста Соображений, все шесть авторов «страдали умственной отсталостью» и были переданы под частичную или общую опеку по решению судов. Автоматическим следствием передачи их под опеку стало исключение фамилий авторов из списков избирателей согласно пункту 5 статьи 70 Конституции Венгрии государства-участника, которая действовала на тот момент и предусматривала, что переданные под полную или частичную опеку лица не имеют право голосовать. Из-за такого ограничения их правоспособности авторы не смогли участвовать в парламентских выборах в Венгрии 11 апреля 2010 года и в муниципальных выборах, которые состоялись 3 октября 2010 года. В настоящий момент они по-прежнему лишены избирательных прав и поэтому не могут участвовать в выборах. Авторы сообщения утверждали, что прямое применение по отношению к ним пункта 5 статьи 70 Конституции Венгрии автоматически исключило их из списков избирателей. Такие решения о лишении их правоспособности не учитывали их способность голосовать, поскольку во исполнение положений Конституции они были автоматически и неизбирательно лишены избирательных прав независимо от характера их инвалидности, их индивидуальных возможностей или сферы применения решения о

фактической умственной отсталости, государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 29 Конвенции о правах инвалидов, взятые по отдельности или совместно со статьей 12 Конвенции.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: приняты к сведению утверждения авторов о том, что автоматическое исключение их фамилий из списков избирателей на основе применения пункта 5 статьи 70 Конституции Венгрии, действовавшей на момент представления их сообщения, нарушало статью 29, взятую отдельно и совместно со статьей 12 Конвенции. Авторы, в частности, утверждали, что автоматическое лишение их избирательных прав, независимо от характера их инвалидности и их индивидуальных способностей, являлось дискриминационным и неоправданным. Комитет также принял во внимание доводы государства-участника о том, что, поскольку пункт 5 статьи 70 Конституции Венгрии был отменен в результате принятия Основного закона Венгрии, и что пункт 2 статьи 26 Временных положений Основного закона Венгрии предусматривает индивидуальную оценку права лица голосовать на основе его или ее правоспособности, то его закон в настоящее время соответствует статье 29 Конвенции (пункт 9.2 Соображений).

Лишая авторов права голосовать на основе предполагаемой или фактической умственной отсталости, государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 29 Конвенции, взятые по отдельности или совместно со статьей 12 Конвенции (пункт 9.5 Соображений).

Вывод Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 29, взятой по отдельности или совместно со статьей 12 Конвенции.

лишении их правоспособности. Авторы обратили внимание на то, что они разбираются в политических вопросах и могли участвовать в выборах. Они считали такой автоматический запрет необоснованным и нарушающим статью 29, взятую отдельно или в совокупности со статьей 12 Конвенции.

Информация об этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 июня 2014 года.

Защита права лица с ограниченными возможностями на участие в культурной жизни, на проведении досуга и отдыха и занятие спортом (статья 30 Конвенции⁷¹⁾⁷²

См. вышеприведенное дело «*М. Кёк против Австрии*». Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 года. Сообщение № 50/2018.

⁷¹ В силу статьи 30 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники признают право инвалидов участвовать наравне с другими в культурной жизни и принимают все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы инвалиды:

- а) имели доступ к произведениям культуры в доступных форматах;
- б) имели доступ к телевизионным программам, фильмам, театру и другим культурным мероприятиям в доступных форматах;
- в) имели доступ к таким местам культурных мероприятий или услуг, как театры, музеи, кинотеатры, библиотеки и туристические услуги, а также имели в наиболее возможной степени доступ к памятникам и объектам, имеющим национальную культурную значимость.

2. Государства-участники принимают надлежащие меры к тому, чтобы наделять инвалидов возможностью развивать и использовать свой творческий, художественный и интеллектуальный потенциал - не только для своего блага, но и ради обогащения всего общества.

3. Государства-участники предпринимают в соответствии с международным правом все надлежащие шаги для обеспечения того, чтобы законы о защите прав интеллектуальной собственности не становились неоправданным или дискриминационным барьером для доступа инвалидов к произведениям культуры.

4. Инвалиды имеют право наравне с другими на признание и поддержку их особой культурной и языковой самобытности, включая жестовые языки и культуру глухих.

5. Чтобы наделять инвалидов возможностью участвовать наравне с другими в проведении досуга и отдыха и в спортивных мероприятиях, государства-участники принимают надлежащие меры:

- а) для поощрения и пропаганды как можно более полного участия инвалидов в общепрофильных спортивных мероприятиях на всех уровнях;
- б) для обеспечения того, чтобы инвалиды имели возможность организовывать спортивные и досуговые мероприятия специально для инвалидов, развивать их и участвовать в них, и для содействия в этой связи тому, чтобы им наравне с другими предоставлялись надлежащие обучение, подготовка и ресурсы;
- в) для обеспечения того, чтобы инвалиды имели доступ к спортивным, рекреационным и туристическим объектам;
- г) для обеспечения того, чтобы дети-инвалиды имели равный с другими детьми доступ к участию в играх, в проведении досуга и отдыха и в спортивных мероприятиях, включая мероприятия в рамках школьной системы;

е) для обеспечения того, чтобы инвалиды имели доступ к услугам тех, кто занимается организацией досуга, туризма, отдыха и спортивных мероприятий».

⁷² **Для сведения:** в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты культурных прав*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/28601/.

Переведенные на русский язык тексты Соображений Комитета ООН по правам инвалидов размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:

Режим доступа:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.